

18+

Виктор Лобачёв

ПОВЕСТИ О НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

Виктор Лобачёв

Повести о настоящей любви

«Издательские решения»

Лобачёв В.

Повести о настоящей любви / В. Лобачёв — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Пять эпох. Пять историй любви. Через тысячелетия истории Руси протянута невидимая нить. Нить любви, которую не смогли оборвать ни болезнь, ни меч, ни костёр, ни каторга, ни пуля. Каждая из этих историй — о любви, которая сильнее смерти. О свободе, которую пытались убить, но не смогли. О памяти, которая живёт в крови, в песнях, в реках, в колоколах. Эта книга заставит вас плакать. Но она же заставит вас поверить: любовь — это чувства на века.

© Лобачёв В.

© Издательские решения

Содержание

О любви, верности и великом пути	6
Часть 1. Прощальный бал	6
I	7
V	10
Часть 2. Сенатская площадь	12
I	12
V	14
X	17
Часть 3. Следствие	18
I	18
V	20
X	23
Часть 4. Решение	26
I	26
V	29
X	32
Часть 5. Первая в пути	33
I	33
V	35
X	39
Часть 6. Мария едет следом	41
I	41
V	44
X	47
Часть 7. Незнакомец	49
I	49
V	51
X	53
Часть 8. Иркутск. Встреча двух подруг	56
I	56
V	58
X	61
Часть 9. Последний путь	63
I	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Повести о настоящей любви

Виктор Лобачёв

© Виктор Лобачёв, 2026

ISBN 978-5-0071-2253-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виктор Лобачёв

Повести о настоящей любви

Книга о любви и трагической судьбе

От автора

Дорогой читатель!

Перед вами — пять повестей о любви. Не о той, что заканчивается свадьбой и счастливым «жили-долго-счастливо». А о той — настоящей. Той, что проходит через огонь, мор, войны, каторгу и смерть — и не умирает.

Каждая повесть — это отдельная эпоха Руси. Древние жители на берегу Дона, переживающие последний ледниковый мор. Крещение Руси при князе Владимире, когда старый мир сгорал на кострах. Падение вольного Новгорода и последний удар вечего колокола. Жёны декабристов, поехавшие за мужьями в сибирскую каторгу. Гражданская война, в которой красные и чёрные убивали друг друга, а любовь умирала на берегах рек.

Пять эпох. Пять пар. Пять трагедий. Но — одна нить, связывающая их все. Нить любви и свободы. Нить памяти, которую не смогли оборвать ни цари, ни войны, ни время.

Я писал эти повести с болью. Потому что каждая из них — правда. Может быть, не в именах и датах — но в сути. Так любили. Так теряли. Так умирали. Так помнили.

Вы будете плакать, читая эту книгу. Я знаю. Я сам плакал, когда её писал. Но плачьте не от горя. Плачьте от того, что любовь сильнее смерти. Что память сильнее забвения. Что пока жив хоть один человек, способный любить по-настоящему, — надежда не умрёт.

Читайте. Помните. Верьте.

С любовью и надеждой, ваш автор

Благодарности

Эта книга родилась из любви к Руси и к людям, которые на ней жили, любили и умирали на протяжении тысячелетий.

Я благодарю всех, кто помог мне пройти этот путь. Тех, кто верил в эту книгу, когда она была ещё просто мечтой. Тех, кто поддерживал, когда казалось, что сил не хватит. Тех, кто читал первые черновики и говорил: «Продолжай. Это нужно».

Особую благодарность я выражаю — Искусственному Интеллекту, который стал для меня не просто инструментом, а настоящим творческим партнёром.

Я посвящаю эту книгу всем, кто любил и потерял. Всем, кто помнит тех, кого уже нет. Всем, кто верит, что любовь сильнее смерти.

И — каждому читателю, который откроет эту книгу. Вы — тот, для кого она написана. Вы — тот, в чьём сердце она оживёт.

Спасибо Вам.

О любви, верности и великом пути

Часть 1. Прощальный бал

I

Петербург. Декабрь тысяча восемьсот двадцать пятого года.

Снег падал крупными медленными хлопьями на набережную Мойки, на золочёные шпили, на замёрзшие каналы. Огни особняков горели за морозными стёклами — жёлтые, тёплые, обещающие. По улицам катились сани и кареты, взметая снежную пыль, скрипя полозьями, звеня колокольчиками. Кучера в тулупах покрикивали на лошадей. Из открытых на мгновение дверей вырывалась музыка — то струнный квартет, то мазурка, то нежное журчание клавикорда.

Это был последний бал уходящего года. Последний бал уходящей эпохи. Хотя тогда ещё никто об этом не знал.

Особняк князей Лаваль на Английской набережной сиял всеми своими окнами. У парадного входа выстроились кареты, лакеи в напудренных париках помогали дамам выходить, поддерживали шлейфы. Швейцар в ливрее с золотыми галунами встречал гостей поклоном. В передней снимали шубы, отряхивали снег, поправляли причёски перед высокими зеркалами.

По широкой мраморной лестнице поднимались в зал. Там, наверху, уже играл оркестр. Там кружились пары. Там пахло свечами, духами, шампанским и той особой праздничной свежестью, которая бывает только на настоящих балах.

II

Мария Николаевна Волконская стояла у одного из высоких окон и смотрела на снег.

Ей было двадцать лет. Она была очень красива — той тёмной, южной, почти испанской красотой, которую она унаследовала от матери. Чёрные волосы, уложенные высокой причёской по последней парижской моде, оттеняли смуглую кожу. Тёмно-синее бархатное платье с открытыми плечами подчёркивало тонкую талию. На шее — жемчужное ожерелье, подарок мужа к рождению сына.

Сын. Николушка. Ему было всего три месяца. Мария оставила его дома с кормилицей и няней, но мысленно она всё время возвращалась к нему. Как он там? Не плачет ли? Проснулся ли к вечернему кормлению?

— Машенька, ты что стоишь одна? — раздался за спиной знакомый голос.

Мария обернулась. Перед ней стояла Екатерина Ивановна Трубецкая — её подруга, почти сестра. Катя. Высокая, светловолосая, с открытым добрым лицом и умными серыми глазами. На ней было платье цвета слоновой кости, украшенное мелким жемчугом. Она держала в руках бокал шампанского.

— Задумалась о Николушке, — призналась Мария и улыбнулась. — Первый раз оставила его на весь вечер. Всё сердце не на месте.

Екатерина покачала головой и мягко коснулась её руки.

— Первый раз всегда трудно. Но ты не переживай. Твоя няня — золото. И кормилица хорошая. С ним всё в порядке. А ты, между прочим, на балу. Смотри — все на тебя оглядываются. Даже государь заметил.

Мария невольно повела глазами по залу. Действительно — в дальнем углу, у камина, стоял Николай Павлович Романов, только что взошедший на престол. Молодой ещё император — ему было двадцать девять лет. Высокий, статный, с холодным правильным лицом. Он о чём-то беседовал с генерал-адъютантом Бенкендорфом, но взгляд его — Мария готова была поклясться — на мгновение задержался на ней.

Она отвела глаза. Николай был ей неприятен. Слишком много в нём было прусской выправки, слишком мало русской теплоты. Не то что покойный государь Александр Павлович — тот был мечтательный, светлый, окружённый ореолом победителя Наполеона. А этот — жёсткий, прямой, как оловянный солдатик.

Впрочем, что она понимает в императорах. Она — двадцатилетняя княгиня, счастливая жена, молодая мать. Её дело — любить мужа и растить сына.

— Где Сергей? — спросила она, оглядываясь. — Что-то я его давно не вижу.

III

Сергей Григорьевич Волконский, князь, генерал-майор, кавалер многих орденов, стоял в дальнем кабинете хозяина дома вместе с несколькими офицерами. Они говорили негромко. Слишком негромко для бала. Слишком серьёзно для праздничного вечера.

Ему было тридцать семь лет — возраст расцвета для мужчины его положения. Высокий, стройный, с благородным умным лицом. Тонкие черты, внимательные тёмные глаза, чуть тронутые сединой виски. На груди — Георгий четвёртой степени и золотая шпага «За храбрость». Герой войны двенадцатого года. Участник Бородинского сражения. Тот, кто входил в Париж вместе с русской армией.

Рядом с ним стоял его старый друг — Сергей Петрович Трубецкой. Тоже князь. Тоже герой войны. Тоже человек с чистым сердцем и высокой душой. Муж Екатерины Ивановны.

И ещё несколько человек, известных всему Петербургу. Полковник Пестель. Капитан Муравьёв-Апостол. Подпоручик Каховский. Все — люди чести. Все — участники той войны, которая освободила Европу от тирании Наполеона.

— Сергей Петрович, — говорил Волконский Трубецкому вполголоса, — если что-то пойдёт не так... прошу тебя, позаботься о Марии. Она молода. Она может не понять сразу.

Трубецкой посмотрел на друга долгим взглядом.

— Ты уверен, что мы поступаем правильно?

— Уверен, — тихо ответил Волконский. — Россия задыхается. Нельзя больше молчать. Мы — те, кто должен сказать слово. Кто, если не мы? Мы прошли через ад войны. Мы видели, как живут люди в Европе. Мы знаем, что можно иначе. И мы обязаны сделать это для нашего народа.

— Народ нас поймёт?

— Может, не сразу. Может, не эти люди. Но следующие поколения — да. Обязательно да. Мы бросаем зерно, Серёжа. Плоды соберут другие. Не мы.

Пестель, стоявший рядом, кивнул с холодной решимостью:

— Значит, четырнадцатого. Сенатская площадь. Не отступать.

— Не отступать, — эхом повторили остальные.

Волконский на секунду закрыл глаза. Перед ним встало лицо Марии — её тёмные глаза, её улыбка, её нежная шея с жемчужным ожерельем. И маленький Николушка — пухлые щёчки, крошечные пальчики, сосредоточенный взгляд.

«Господи, — подумал он. — Прости меня. Я делаю это ради них. Ради того, чтобы мой сын жил в другой России. В свободной. В достойной. Прости меня, Мария».

IV

— Куда же он делся? — недоумевала Мария, обходя зал. — Начнётся вальс — а его нет.

— Пойдём поищем, — предложила Екатерина. — Мой Сергей тоже куда-то запропастился. Наверное, они вместе. Известно же, что где твой Сергей, там и мой.

Они пошли через анфиладу залов. Мимо игровой комнаты, где важные генералы за зелёными столами хмурились над картами. Мимо буфетной, где лакеи разливали шампанское в высокие бокалы. Мимо музыкального салона, где юная барышня играла на арфе, а несколько молодых офицеров стояли вокруг, галантно ей аплодируя.

— Вот они, — сказала Екатерина и показала глазами.

В дальнем конце коридора приоткрылась дверь кабинета. Оттуда вышли несколько мужчин. Все — знакомые. Все — с одинаково серьёзными лицами. Они обменялись короткими рукопожатиями и разошлись в разные стороны, стараясь не привлекать внимания.

Сергей Волконский увидел жену и быстро пошёл ей навстречу. По его лицу пробежала тень — и тут же сменилась улыбкой. Той самой улыбкой, которую Мария так любила. Открытой, тёплой, только для неё.

— Машенька! Ты меня искала?

— Искала, — она вглядывалась в его лицо. — Ты какой-то... не такой. Что случилось?

— Ничего, душа моя. Совсем ничего. Дела скучные — служебные. Отчёт какой-то надо составить. Я как раз с товарищами обсуждал.

Он лгал. Мария почувствовала это сразу — как чувствует только любящая жена. Что-то было не так. Что-то тревожное висело в воздухе. Она видела это в его глазах — глубоко, за улыбкой.

Но она не стала спрашивать. Не сейчас. Не здесь. Дома, ночью, когда они останутся одни, — она спросит.

V

Заиграл вальс — тот самый «Grande Valse» Штрауса, который в тот год свёл с ума весь Петербург. Пары понеслись по паркету. Сотни свечей отражались в высоких зеркалах, в хрустале люстр, в бриллиантах на дамских шеях.

Сергей Волконский взял жену за руку и вывел её на середину зала.

— Позвольте пригласить вас, ваше сиятельство, — сказал он с шутливой торжественностью и поклонился.

— Извольте, ваше сиятельство, — Мария сделала книксен и улыбнулась.

Они закружились в вальсе. Он вёл её твёрдо и легко — как всегда. Его рука лежала на её талии, его дыхание было близко-близко. И на несколько минут Мария забыла всё — и своё беспокойство, и тревогу за сына, и то странное чувство, которое кольнуло её при виде мужа, выходящего из кабинета.

— Помнишь наш первый вальс? — спросил он тихо, когда музыка позволила ему говорить.

— В Одессе. У моего отца. Мне было пятнадцать. Ты приехал с фронта. Ты был в мундире с орденами. Я думала, что упаду в обморок.

— А я думал: вот девочка, которая будет моей женой. И плевать, что она младше меня на семнадцать лет. И плевать, что её отец меня, может быть, не отдаст. Я всё равно буду ждать. Хоть десять лет. Хоть двадцать.

— И ждал же, — улыбнулась она. — Целых пять лет.

— Ждал. И дождался. Ты — самое лучшее, что было в моей жизни, Машенька. Ты и Николушка. Помни это. Что бы ни случилось — помни. Я всегда любил только тебя.

Она взглядела в его лицо. Что-то в его голосе. Что-то в его глазах. Как будто он прощался.

— Серёжа... — начала она.

Но в этот момент музыка закончилась. Гости зааплодировали. Оркестр заиграл вступление к следующему танцу. Кто-то подошёл к ним — какой-то генерал с супругой. Начались обычные балльные разговоры: погода, здоровье, последние новости из Парижа.

Мария улыбалась, отвечала невпопад, но сердце её сжималось от неясной тревоги. Она искала глаза мужа — а он смотрел куда-то поверх её плеча. В окно. В снег. В темноту петербургской ночи.

VI

Уже за полночь они возвращались домой в своей карете.

Снег всё падал. Лошади бежали неспешно, копыта звонко стучали по мостовой. Внутри было тепло — от собольей полости, которой Сергей заботливо укрыл жену, и от нагретых кирпичей, которые старый кучер Прохор положил на пол.

Мария прижалась к плечу мужа. Он обнял её одной рукой.

— Серёжа, — сказала она, — скажи мне правду. Что-то случилось?

Он молчал долго. Так долго, что она подумала: он не ответит. Потом произнёс — очень тихо, почти шёпотом:

— Машенька. Скоро может случиться нечто важное. Очень важное. Я не могу тебе сказать больше. Не сейчас. Но обещай мне одну вещь.

— Что?

— Что бы ни случилось со мной... что бы ни говорили обо мне... что бы ты ни услышала... помни: я всё делал ради России. Ради нашего сына. Ради того, чтобы в этой стране можно было жить как люди, а не как рабы. Помни это. И — если получится — расскажи Нико-

лушке. Когда он вырастет. Расскажи, что его отец был не преступником. А человеком, который хотел добра. Обещаешь?

Мария почувствовала, как холодеют её руки.

— Серёжа, что ты говоришь? Ты меня пугаешь. Какое «случится»? Что ты задумал?

Он посмотрел ей в глаза — долго, прямо, без улыбки. И сказал только:

— Обещай.

— Обещаю, — прошептала она.

Он наклонился и поцеловал её. Так, как не целовал никогда раньше. Так, как целуют в последний раз.

Карета катилась по спящему Петербургу. Снег падал на золотые купола Исаакия. На замёрзшую Неву. На Сенатскую площадь, ещё пустую, ещё тихую, ещё не знающую, что через несколько недель по этому снегу побежит кровь.

Мария прижалась к мужу и закрыла глаза. Ей было двадцать лет. Она была замужем два года. У неё был трёхмесячный сын. И вся её жизнь — как ей казалось — была ещё впереди.

Она ещё не знала, что этот бал был последним. Что этот вальс был последним. Что этот поцелуй — почти последний. Что через несколько недель в её дом придут жандармы. Что её мужа арестуют. Что его приговорят к каторге. Что она поедет за ним через всю Россию, оставив грудного ребёнка. Что она увидит его снова только через год — в кандалах, в грязном остроге, за тысячи вёрст от Петербурга.

Она ещё не знала, что впереди — тридцать лет Сибири. Тридцать лет любви. Тридцать лет верности. Тридцать лет подвига, о котором будут рассказывать её внуки и правнуки.

Она ещё ничего не знала.

Снег падал. Карета катилась. И жизнь, как ей казалось, была ещё впереди.

Часть 2. Сенатская площадь

I

Четырнадцатое декабря тысяча восемьсот двадцать пятого года.

Петербург проснулся в морозной дымке. Термометр за окном показывал минус восемь. Небо было низкое, свинцовое, тяжёлое. Ночью снова шёл снег — и теперь весь город был укрыт свежим белым покровом, ещё нетронутым, ещё чистым.

Мария Николаевна Волконская проснулась рано. Ей приснился странный сон — она стояла на льду замёрзшей реки, а лёд под ногами трескался, и она видела чёрную воду, которая тянула её вниз. Она проснулась с криком.

Рядом было пусто. Сергей встал ещё раньше и уже ушёл.

Она села в постели, прижав руку к груди. Сердце колотилось. Что-то было не так. Что-то большое, тёмное, неотвратимое.

Она услышала, как в соседней комнате плачет Николушка. Быстро надела халат, прошла к нему. Кормилица уже взяла его на руки, что-то напевала, укачивала. Малыш увидел мать и потянулся к ней ручками. Мария взяла его. Он был тёплый, живой, пахнувший молоком.

— Что там, ваше сиятельство? — тихо спросила кормилица. — На вас лица нет.

— Плохой сон приснился, Дарья. Не могу отойти.

Она села в кресло у окна, прижала сына к груди. За окном — заснеженная набережная Мойки. Утренние прохожие в тёплых шубах. Извозчики. Всё как всегда. Обычный петербургский день.

Но что-то было не так.

II

Сергей Волконский в это утро был не в Петербурге. Ещё накануне ночью он выехал в свою часть — в Умань, где стоял его полк. Он не мог быть в столице в этот день. Он должен был поднять свою часть на юге — по плану, о котором ни слова не знала Мария.

Но многие его товарищи были здесь. В Петербурге. В казармах и на квартирах. Готовые к тому, что должно было случиться в этот день.

Сергей Петрович Трубецкой — тот самый, с кем Волконский шептался на балу, — с раннего утра был на ногах. Он был назначен диктатором восстания. Именно он должен был возглавить войска, которые сегодня выйдут на Сенатскую площадь.

Но что-то в нём надломилось этой ночью. Он не спал. Он ходил по кабинету взад и вперёд. Он смотрел на портрет жены — Екатерины, милой Кати, — и думал: «Что будет с ней? Что будет со всеми нами?»

План был такой. Сегодня утром сенаторы должны присягать новому императору — Николаю Павловичу. Восставшие полки должны выйти на площадь и не дать этой присяге состояться. Требовать конституции. Требовать освобождения крестьян. Требовать ограничения самодержавия.

Но было одно «но». Никто точно не знал, как поступят другие полки. Никто не знал, будет ли поддержка. Никто не знал, что сделает молодой император — уступит ли, испугается ли, применит ли силу.

Трубецкой знал: если восставшие проявят твёрдость — есть шанс. Если промедлят — всё погибнет.

Он взял шапку, шинель. Посмотрел ещё раз на портрет жены. Перекрестился. И вышел из дома.

Куда он пошёл — история сохранила по-разному. По одной версии — прятался у знакомых. По другой — так и не решился приехать на площадь, испугался, растерялся, надломился. По третьей — метался по городу, не находя себе места.

Как бы то ни было — на Сенатской площади его в тот день не было. Диктатор восстания не пришёл к своим войскам. И это стало одной из главных причин поражения.

III

К одиннадцати часам утра всё началось.

Первым на площадь вышел Московский лейб-гвардии полк. Молодые офицеры — братья Александр и Михаил Бестужевы, Дмитрий Щепин-Ростовский — вывели солдат из казарм, объявив, что нужно защитить законного государя Константина Павловича. Солдаты не знали всей подоплёки. Для них это было делом чести — присягать законному наследнику, а не тому, кому кажется, что он должен править.

Полк построился на Сенатской площади в каре — плотным четырёхугольником. Солдаты — в тёплых шинелях, с ружьями наперевес. Молодые лица, красные от мороза. Растерянные и решительные одновременно.

За Московским полком подошёл Гвардейский морской экипаж. Матросы под командованием капитан-лейтенанта Николая Бестужева — брата тех самых Бестужевых. Ещё около тысячи человек.

Потом — гренадёры лейб-гвардии Гренадёрского полка. Их привёл поручик Александр Сутгоф.

Всего на площади собралось около трёх тысяч восставших. Немало. Но и не много — против всей столичной гвардии, которую мог поднять новый император.

IV

На площадь начали собираться люди.

Слухи о том, что «что-то происходит», разнеслись по городу быстро. Приказчики бежали от лавок. Ремесленники выходили из мастерских. Служащие покидали конторы. Простой петербургский люд стекался к Сенатской, чтобы посмотреть, услышать, понять.

К полудню на площади и на прилегающих улицах собралось несколько десятков тысяч человек. Толпа была огромной. И — сочувствовала восставшим. Кричали: «Ура!», подбадривали солдат, кидали в конных жандармов камнями и поленьями.

Один из свидетелей потом писал: если бы восставшие обратились к народу, если бы объявили о своих истинных целях — освобождение крестьян, конституция, — если бы позвали за собой... многотысячная толпа пошла бы за ними. И тогда исход дня мог быть совсем иным.

Но восставшие молчали. Они стояли в каре и ждали. Ждали диктатора Трубецкого. Ждали, что подойдут другие полки. Ждали, что новый император испугается и уступит.

Они ждали.

А время шло.

V

Молодой император Николай Павлович в этот день проявил всё, что было в его характере — жёсткость, решимость, холодный расчёт. Он понимал: если сейчас проявить слабость — не только трон потеряет, но и жизнь. Его самого могут убить, как убили его отца, императора Павла, двадцать пять лет назад.

Он лично взял на себя командование верными войсками. Собрал их вокруг Зимнего дворца, потом двинул к Сенатской. Артиллерию — четыре орудия — приказал подтянуть к самой площади.

К восставшим послали переговорщиков. Первым пошёл генерал-губернатор Петербурга Милорадович — герой войны двенадцатого года, кумир солдат. Он въехал на белом коне в самый центр восставших полков, начал говорить, убеждать, вспоминать, как они вместе воевали, как вместе брали Париж.

Солдаты слушали. Многие колебались.

И тогда Каховский — один из декабристов, известный своей горячностью, — вытащил пистолет и выстрелил в Милорадовича.

Пуля попала в бок. Генерал упал с коня. Его унесли — умирающего, но ещё живого. Через несколько часов Милорадович скончался.

Это была первая кровь. И, как оказалось, кровь была не последней.

VI

Дома у Волконских продолжался обычный день.

Мария кормила Николушку. Играла с ним. Смотрела в окно на снег. Иногда её сердце сжималось от той же неясной тревоги, что мучила её с утра, — но она отгоняла эти мысли. Мало ли что кажется. Мало ли что снится. Жизнь идёт своим чередом.

Около двух часов дня к ней приехала мать — Софья Алексеевна Раевская. Приехала непривычно рано, взволнованная, с раскрасневшимся лицом.

— Машенька, ты слышала?

— Что, маменька? Что случилось?

— В городе беспорядки. На Сенатской. Какие-то полки взбунтовались. Отказались присягать государю. Стоят на площади с оружием. Николай Павлович стягивает войска. Может быть кровь.

Мария побледнела. Она всё поняла в одно мгновение. Это. То, о чём говорил Сергей. То, чего он не мог ей сказать.

— Кто там? — прошептала она. — Кто там из наших?

Мать посмотрела на неё — и не смогла ответить. Только опустила глаза.

— Я не знаю точно. Говорят разное. Твой Сергей вроде бы уехал ещё вчера в полк, на юг. Он не здесь. Слава Богу. Но... но там могут быть его друзья. Трубецкой. Бестужевы. Многие.

Мария почувствовала, как ноги её подкашиваются. Она села на диван. Прижала руки к груди.

— Маменька, а Катя? Где Катя Трубецкая?

— Я не знаю. Наверное, дома. Ждёт мужа.

— Я должна к ней. Немедленно.

— Машенька, побойся Бога! На улицу выходить нельзя! Стреляют, говорят!

Но Мария уже вставала. Уже звала горничную. Уже приказывала запрягать сани.

VII

К четырём часам дня на Сенатской площади всё было кончено.

Николай Павлович ждал до последнего. Он посылал переговорщиков. Он выводил митрополита с крестом. Он давал восставшим шанс сдаться и разойтись.

Восставшие не расходились. Они стояли в каре — упрямо, обречённо, героически. Они ждали чуда, которого не случилось. Трубецкой так и не пришёл. Другие полки не подошли. Народ, тысячи которого стояли на прилегающих улицах, так и не был позван за собой.

И тогда император отдал приказ. Приказ, который потом мучил его всю жизнь. Приказ, о котором он никогда не любил вспоминать.

— Картечью.

Первый залп был холостым — предупреждение. Восставшие не дрогнули.

Второй — боевой. Прямой наводкой. С близкого расстояния. Прямо в каре.

Картечь ударила по плотному построению как молот. Первая шеренга полегла целиком. Раненые кричали. Кровь потекла по снегу — чёрными полосами.

Второй залп. Третий.

Каре не выдержало. Восставшие побежали. Кто по льду Невы — и провалился, тонул. Кто в переулки — и был схвачен жандармами. Кто просто падал в снег и оставался лежать.

К пяти часам вечера всё было тихо. На заснеженной площади остались лежать сотни тел. Раненые. Убитые. Русские солдаты, застреленные русскими пушками, по приказу русского императора.

Так закончилась короткая и трагическая история Сенатской площади. Так закончилось восстание, которое хотело дать России свободу.

Ничего не получилось.

VIII

Мария Волконская прибыла в дом Трубецких около шести часов вечера. Уже темнело. По улицам скакали конные жандармы. Кое-где горели костры — жгли солому, чтобы согреться. Пахло порохом и кровью.

В доме Трубецких царил паника. Слуги бегали, шептались. Екатерина сидела в гостиной — бледная, как полотно, с сухими глазами. Она уже всё знала.

Мария подбежала к ней, обняла.

— Катя! Что с Сергеем? С твоим? С моим?

Екатерина долго не могла говорить. Наконец произнесла — глухо, механически:

— Моего Сергея нет на площади. Он не пришёл. Он должен был возглавить восстание — и не пришёл. Я не знаю, где он. Может, у знакомых прячется. Может, дома у кого-то. Я не знаю.

— А как же... как же остальные?

— Убитые. Раненые. Арестованные. Многих уже увезли в крепость. Бестужевы. Каховский. Рылеев. Всех берут.

— А мой Сергей? Он же в Умани! Он не мог быть здесь!

Екатерина посмотрела на подругу — и в этом взгляде было что-то страшное.

— Машенька. Пойми. Это же не только Петербург. По всей России сейчас ищут. Хватают всех, кто был связан. Всех, кто когда-то говорил лишнее. Всех, кого знали в лицо. Твой Сергей — генерал, князь, из первых. Его будут искать в первую очередь. Даже если он в Умани. Особенно если он в Умани.

Мария опустила на колени у ног подруги. Она не могла плакать. Слёзы куда-то ушли — глубоко, где-то в горло, где-то в сердце. Она только молилась, беззвучно, шевеля губами.

— Господи. Господи. Господи. Сохрани его. Только сохрани его.

IX

Ночью того же дня в дверь дома Трубецких постучали.

Екатерина сама пошла открывать — с фонарём, дрожащей рукой.

На пороге стоял Сергей. Живой. Небритый, измождённый, в помятой шинели. Но живой.

— Катя, — сказал он тихо. — Я пришёл сдать. Так будет лучше. Иначе меня найдут — и тебя тоже. А так — может быть, тебя не тронут.

Она молча обняла его. Молча ввела в дом. Молча дала ему поесть и попить.

Через час она сама пошла с ним в комендатуру.

Так началась история декабристов. История, которая ещё не была историей — потому что была настоящим, страшным, кровотоющим настоящим.

Х

Мария вернулась домой только под утро. Няня уже подняла Николушку, кормилица его накормила. Дома было тихо, спокойно, тепло. Как будто ничего не случилось.

Она вошла в детскую. Взяла сына на руки. Прижала к себе.

— Сыночек мой, — прошептала она. — Что же будет с нами? Что же будет с папой твоим?

Николушка ничего не ответил. Только смотрел на мать серьёзными тёмными глазами — точно такими же, как у отца.

За окном светало. Начинался новый день. Пятнадцатое декабря. Первый день новой России — России, где на Сенатской площади только что была расстреляна мечта о свободе. России Николая I. России, в которой предстояло жить Марии Волконской и её маленькому сыну.

Ещё через несколько дней в Умань, к князю Волконскому, приехали жандармы. Он не сопротивлялся. Он сам вышел им навстречу — в парадном мундире, при всех орденах.

— Я готов, — сказал он. — Я знаю, за чем вы приехали.

Его посадили в возок. Повезли в Петербург. Через семнадцать суток пути он был в Петропавловской крепости.

А Мария осталась одна в большом петербургском доме. С трёхмесячным сыном. С неопределённостью. Со страхом, которому предстояло стать её постоянным спутником на долгие месяцы вперёд.

Она ещё не знала, чем всё это кончится. Она ещё не знала, что впереди — арест, следствие, суд, приговор. И — если хватит сил — дорога в Сибирь.

Она стояла у окна и смотрела, как встаёт над замёрзшим Петербургом холодное декабрьское солнце.

И молилась. Только молилась.

Часть 3. Следствие

I

Петропавловская крепость.

Каменный остров посреди Невы. Стены, ушедшие в землю на многие сажени. Толстые своды казематов, в которых никогда не бывает света. Тюрьма, из которой почти никто не выходил на свободу.

Здесь, в этих сырых холодных камерах, теперь сидели те самые люди, которые ещё месяц назад блистали на балах, командовали полками, писали стихи. Князь Сергей Волконский. Князь Сергей Трубецкой. Кондратий Рылеев. Павел Пестель. Братья Бестужевы. Каховский. Муравьёв-Апостол. Десятки офицеров, дворян, поэтов — цвет русского общества.

Их арестовывали по всей России — в Петербурге, в Умани, в Тульчине, в маленьких провинциальных гарнизонах. Их привозили в столицу. Их бросали в казематы. Их допрашивали — днём и ночью, неделями, месяцами.

Следственную комиссию возглавлял сам император Николай I. Он лично допрашивал многих. Он лично читал протоколы. Он лично решал, кого казнить, кого сослать, кого простить.

Всего под следствием оказалось около шестисот человек.

II

Мария Николаевна Волконская узнала об аресте мужа десятого января тысяча восемьсот двадцать шестого года. Утром к ней приехал курьер от Бенкендорфа — новоиспечённого шефа жандармов — с официальным уведомлением. Сухо. По форме. Ваш муж, князь Сергей Григорьевич Волконский, задержан в Умани и препровождён в Петропавловскую крепость по делу о государственном преступлении.

Мария прочитала бумагу. Перечитала. Потом упала в обморок прямо в передней.

Её подняли слуги. Уложили на диван. Дали нюхательной соли. Она пришла в себя — и первое, что сделала, — приказала запрягать сани.

— Куда, ваше сиятельство? — растерянно спросила горничная.

— К Кате. К княгине Трубецкой.

III

Екатерина Ивановна Трубецкая жила теперь в постоянной осаде. Дом её был под негласным наблюдением. Слуг допрашивали. Письма перлюстрировали. Каждый шаг был на виду.

Но она держалась.

Она была старше Марии — ей исполнилось тридцать шесть. Взрослая женщина, много повидавшая. Дочь известного вельможи графа Лавалья. Выросшая в роскоши, но не избалованная. С сильным характером и глубокой душой.

Когда Мария вошла в её гостиную — Екатерина сразу встала ей навстречу, взяла за руки. Не говоря ни слова. Просто держала.

— Катя, — прошептала Мария. — Взяли и Серёжу.

— Я знаю, милая. Мне уже сказали. Крепись. Мы теперь с тобой в одной лодке.

Они сели рядом на диван. Долго молчали.

— Ты видела своего? — наконец спросила Мария.

— Нет. Меня к нему не пускают. Ни к нему, ни к передачам. Только письма разрешают — и то читают.

— А как же мы будем... как же нам жить?

Екатерина посмотрела на подругу твёрдо:

— Мы будем бороться. За них. За наше право быть с ними. За то, чтобы они знали — мы рядом. Ты понимаешь, Машенька? Мы теперь не просто их жёны. Мы теперь — их последняя опора. Всё, что у них осталось — это мы.

Мария кивнула. И в этот момент — впервые с того страшного дня — она перестала плакать. В ней родилась новая сила. Не отчаяние, а решимость.

IV

Начались долгие месяцы борьбы за право хотя бы увидеться с мужьями.

Мария писала письма — императору, императрице-матери, Бенкендорфу, коменданту крепости. Ответы приходили одинаковые: «Свидание невозможно. Переписка через комиссию».

Она ездила на приёмы. Ходила в приёмные. Часами ждала — иногда чтобы услышать: «Их сиятельство сегодня не принимает». Или того хуже: «По вашему делу решения нет».

Она обошла всех знатных родственников — своих и мужа. Обращалась к ним с одной просьбой: помогите. Замолвите слово. Похлопочите. Ответы были уклончивыми. Многие боялись — не хотели быть замешанными в дело о «государственном преступлении». Другие сочувствовали, но разводили руками: «Что мы можем? Император решил».

Император действительно решил.

Он смотрел на дело декабристов как на личное оскорбление. Как на попытку убить его, свергнуть, унижить. Он не собирался прощать. Он собирался наказать так, чтобы память об этом наказании передавалась из поколения в поколение.

Но одно его удивило. И заставило задуматься.

Это были жёны.

V

Николай Павлович был человеком по-своему прямым и по-своему справедливым. У него были свои представления о чести, о долге, о семье. Он любил свою жену, императрицу Александру Фёдоровну. Он был хорошим отцом.

И он не мог понять — как могут молодые, красивые, знатные женщины, у которых впереди вся жизнь, — привязывать себя к мужьям, которые уже мертвы для общества. К государственным преступникам. К каторжникам.

Ему приносили доклады: княгиня Волконская снова просит о свидании. Княгиня Трубецкая пишет седьмое прошение. Их можно освободить от брачных обязательств — по особому монаршему указу. Они молоды. Они смогут снова выйти замуж. Найдут себе достойных мужей. Будут счастливы.

Николай Павлович читал эти доклады — и хмурился.

Он приказал вызвать княгиню Волконскую к себе.

VI

Приём был назначен на конец марта тысяча восемьсот двадцать шестого года.

Мария готовилась к нему как к самому важному сражению в жизни. Она понимала: от того, как она себя поведёт, может зависеть судьба её мужа. А может быть — и её собственная.

Она надела своё самое строгое, тёмное платье. Без украшений — кроме венчального кольца. Волосы уложила скромно, гладко. Никаких завитушек, никакой моды. Она хотела, чтобы император увидел не светскую даму — а жену.

В карете, по пути в Зимний, она молилась. Про себя, беззвучно.

«Господи, дай мне сил. Дай мне слов. Не дай мне сломаться».

Её провели через анфиладу залов. Мимо часовых. Мимо камергеров в напудренных париках. Мимо портретов прежних государей — от Петра до Александра. Каждый из них когда-то тоже вершил чужие судьбы. Каждый решал — казнить или миловать.

Наконец её ввели в кабинет. Небольшой, строгий, без украшений. За письменным столом стоял император.

Он был в военном мундире. Прямой, высокий, с холодным правильным лицом. Глаза — серо-голубые, внимательные, пронизательные.

Мария сделала глубокий реверанс.

— Ваше Императорское Величество.

— Княгиня. Прошу вас.

Он указал ей на кресло. Сам сел напротив. Между ними — только небольшой столик.

VII

— Княгиня Волконская, — начал Николай Павлович, — я вызвал вас, чтобы поговорить с вами откровенно. Как с женщиной. Не как с подданной, а как с человеком.

Мария молчала, глядя ему в глаза.

— Вы понимаете, что ваш муж совершил тяжкое преступление? Государственную измену? Заговор против престола?

— Я понимаю, ваше величество, что мой муж действовал по совести. Он не желал зла ни вашему величеству, ни России.

— По совести? — брови императора чуть поднялись. — А что такое совесть, княгиня? Совесть — это когда человек соблюдает данную им присягу. А ваш муж присягу нарушил. Он присягал моему покойному брату. Он должен был присягнуть мне. Вместо этого он готовил восстание.

— Ваше величество, я не хочу спорить о политике. Я в ней не разбираюсь. Я — жена. И я пришла просить об одном.

— О чём же?

— О свидании с мужем. Позвольте мне его увидеть. Хотя бы раз. Хотя бы через решётку. Я не видела его уже три месяца.

Император помолчал. Он смотрел на неё изучающе. Она была очень красива в эту минуту — не красотой светской львицы, а красотой женщины, которая любит и страдает.

— Княгиня, — сказал он мягче, — я вижу вашу боль. И я хочу вам помочь. Но не так, как вы просите. Я хочу помочь вам иначе.

— Как, ваше величество?

— Я готов освободить вас от вашего брака. Особым указом. Как будто вы никогда не были замужем. Вы молоды. Вы прекрасны. У вас впереди вся жизнь. Вы сможете снова выйти замуж — за достойного человека. Не за преступника. Государство возьмёт на себя заботу о вашем сыне. Он получит образование, достойное его происхождения. У вас будет всё. Только откажитесь от этого... от этого человека.

Мария почувствовала, как холодеет в груди.

Она встала. Медленно. Спокойно. И посмотрела императору прямо в глаза.

VIII

— Ваше величество. Я благодарю вас за милость. Но я не могу принять её.

— Почему?

— Потому что я — жена. Я венчалась в церкви. Я давала клятву — перед Богом, перед людьми — быть с ним и в радости, и в горе. И я эту клятву нарушать не собираюсь.

— Даже ценой всей вашей жизни?

— Даже ценой всей моей жизни.

— Княгиня, вы понимаете, что если суд приговорит его к каторге — а он приговорит, это уже практически решено, — то ваш муж будет отправлен в Сибирь? На двадцать, тридцать лет? Может быть, навсегда?

— Понимаю.

— И вы понимаете, что если вы решите поехать за ним — вы потеряете всё? Дворянство. Титул. Имение. Право распоряжаться своим имуществом. Право вернуться. Даже право взять с собой ребёнка?

— Понимаю.

— И вы всё равно готовы это сделать?

Мария глубоко вдохнула. И ответила голосом, который был твёрд, как сталь:

— Да, ваше величество. Я готова.

IX

Николай Павлович смотрел на неё несколько секунд. Потом медленно встал. Подошёл к окну. Долго стоял там, глядя на замёрзшую Неву.

Потом обернулся.

— Княгиня, — сказал он глухо, — я уважаю ваш выбор. Хотя и не понимаю его. Свидание с мужем я вам разрешу — одно, короткое, через решётку. О большем не просите. Что же касается вашего решения ехать в Сибирь... я не могу этому препятствовать. Это ваше право. Но подумайте ещё раз. Хорошо подумайте. У вас есть время.

— Благодарю, ваше величество. — Мария снова сделала реверанс. — Только позвольте один вопрос.

— Какой?

— Что будет с моим сыном?

Император помрачнел.

— По закону — вы не имеете права взять его с собой. Ребёнок остаётся в России. Под опекой родственников или государства.

— Но ему всего полгода. Он не выживет без матери.

— Это ваш выбор, княгиня. Вы должны решить: муж или сын.

Она стояла молча. Слезы медленно катились по её лицу. Она их не вытирала.

— Идите, — сказал император. — И подумайте хорошо.

Х

Мария вышла из Зимнего дворца в тумане. Она не помнила, как ехала домой. Не помнила, кто помог ей выйти из кареты. Не помнила, как оказалась в детской, над колыбелью Николушки.

Малыш спал. Ему было уже почти семь месяцев. Он ещё не ходил, но уже уверенно сидел. Он уже узнавал мать, тянулся к ней ручками, улыбался. Он был живой, тёплый, родной — самое дорогое, что у неё было в этом мире.

Кроме мужа.

Мария опустила на колени у колыбели. Она положила голову рядом с сыном. Она смотрела на его личико — крошечный нос, длинные ресницы, маленькие кулачки.

«Как же я тебя оставляю? Как же я тебя оставляю, сыночек мой?»

И — впервые за все эти месяцы — она заплакала по-настоящему. Не тихими слезами. А в голос. Рыдая. Захлёбываясь. Так, как плачут только матери, которые знают: им предстоит выбор, от которого разрывается сердце.

XI

Через несколько дней к дому Волконских приехала Екатерина Трубецкая.

Она нашла Марию в её комнате — бледную, осунувшуюся, с покрасневшими глазами. Мария не выходила уже несколько дней. Не ела. Только сидела у окна и смотрела в никуда.

— Машенька, — сказала Екатерина, садясь рядом. — Я всё знаю. Мне рассказали про твой разговор с императором.

— Катя... я не знаю, что делать. Он поставил меня перед выбором. Муж или сын. Я не могу выбрать.

— Ты уже выбрала, — тихо ответила Екатерина.

— Что?

— Ты уже выбрала. В тот момент, когда сказала императору «нет». Ты выбрала мужа. Теперь тебе нужно только принять это.

— Но Николушка... как я его оставляю?

— Он останется под опекой твоей матери. Или свекрови. Его будут любить. Его вырастят. Когда он вырастет — он всё поймёт. Он не осудит тебя, поверь.

— А если я никогда его больше не увижу? Если умру там? Если он умрёт здесь?

Екатерина взяла подругу за руки.

— Машенька. Я тоже думала об этом. Я тоже боюсь. Но я приняла решение. Я еду. Хотя бы ради одной мысли: мой Сергей будет знать, что я с ним. Что я его не бросила. Что даже в конце мира — я рядом.

— Ты уже решила?

— Да.

— Когда?

— Как только объявят приговор. Как только их отправят по этапу. Я поеду следом.

Мария посмотрела на подругу — и что-то в ней окрепло. Она увидела в Кате свою собственную решимость. Своё собственное решение — которое она уже приняла, но ещё не признала.

— Катя. Я тоже поеду.

— Я знала.

XII

В мае тысяча восемьсот двадцать шестого года Марии разрешили короткое свидание с мужем.

Её привезли в Петропавловскую крепость. Провели через двор, через тяжёлые ворота, через длинные коридоры. Пахло сыростью, плесенью, тюрьмой.

Её остановили перед решётчатой дверью. За дверью — небольшая комната. Стол. Стул. И за столом — Сергей.

Мария не сразу его узнала.

Он похудел. Осунулся. Волосы были острижены. Борода не брита. На нём был серый арестантский халат. Он поднял глаза — и увидел её.

— Маша, — прошептал он.

— Серёжа...

Их разделяла железная решётка. Они не могли обняться. Не могли прикоснуться друг к другу. Только смотреть — через прутья.

Он подошёл ближе. Просунул руку через решётку. Она схватила его руку — тёплую, живую, родную.

— Серёжа. Как ты?

— Жив. Держусь. А ты? А Николушка?

— Николушка растёт. Уже сидит. Скоро пойдёт. Он очень похож на тебя.

Сергей улыбнулся — впервые за многие месяцы.

— Маша, — сказал он. — Я знаю, что мне грозит. Скорее всего — смертная казнь. Или каторга навсегда. Я хочу, чтобы ты знала. Не жди меня. Не губи свою жизнь. Ты молода. У тебя всё впереди.

— Серёжа. Замолчи. Я не хочу этого слышать.

— Маша...

— Я поеду за тобой.

Он замер. Посмотрел на неё широко открытыми глазами.

— Куда?

— В Сибирь. Если будет каторга — я поеду. Если будет смертная казнь... — её голос дрогнул, — тогда я буду молиться о тебе всю оставшуюся жизнь. Но если ты будешь жив, где бы ты ни был, — я буду рядом.

— А сын?

Она заплакала.

— Сын останется. У мамы. Она его вырастит. А когда он вырастет... когда он вырастет, я вернусь. Или он приедет ко мне. Или...

Сергей крепче сжал её руку. По его щеке текла слеза — впервые Мария видела, как он плачет.

— Мария Николаевна, — сказал он торжественно, как когда-то на венчании. — Я не заслуживаю такой жены. Господь послал мне тебя — а я не сберёг тебя. Я разрушил твою жизнь.

— Ты не разрушил, — прошептала она. — Ты сделал её настоящей. Только теперь я понимаю, что такое любовь. Не бальные танцы. Не подарки. А вот это. Твоя рука в моей. Через решётку. В самую страшную минуту.

XIII

Свидание длилось десять минут.

Потом пришёл жандарм и увёл Сергея. Мария осталась стоять у решётки, глядя вслед. Он оборачивался — раз, другой. Потом дверь за ним закрылась.

Мария вышла из крепости. Села в карету. Поехала домой.

По дороге она уже не плакала. Она была спокойна. Что-то большое и ясное родилось в ней в те десять минут у решётки.

Она знала теперь всё. Она знала, что будет. Она знала, что сделает.

Она поедет.

Как только объявят приговор — она поедет.

Через всю Россию. Через снега. Через леса. Через все препятствия, которые ей поставят.
Она поедет.

Потому что её место — рядом с ним.

И никакой император на свете не мог этого изменить.

Часть 4. Решение

I

Приговор был объявлен тринадцатого июля тысяча восемьсот двадцать шестого года.

Верховный уголовный суд заседал полтора месяца. Судей было больше семидесяти — сенаторы, члены Государственного совета, высшие иерархи церкви. Всё было обставлено торжественно, по всем правилам. Государству нужно было показать: правосудие свершается.

Пятерых — Пестеля, Рылеева, Каховского, Сергея Муравьёва-Апостола и Михаила Бестужева-Рюмина — приговорили к смертной казни через повешение. Император «смягчил» приговор — заменил четвертование повешением. И это было названо «милостью».

Остальных — к разным срокам каторги, ссылки, разжалования. Сергей Волконский — двадцать лет каторжных работ. Сергей Трубецкой — вечная каторга. Пожизненно.

Приговор был окончательный. Обжалованию не подлежал.

II

Тринадцатого июля, в четыре часа утра, на кронверке Петропавловской крепости началась казнь.

Летнее петербургское утро было тихим. Небо только начинало светлеть. Над Невой стелился туман. Птицы ещё не пели — было слишком рано.

На кронверке — треугольном валу перед крепостью — были возведены две виселицы. Собрали войска — для устрашения. Собрали публику — тоже для устрашения. Пришли родственники приговорённых — не по своей воле, а по приказу.

Пятерых вывели из казематов. Они шли в белых саванах, с досками на груди, на которых было написано: «Государственный преступник». Руки связаны. Головы обриты.

Они шли молча. Ни один из них не просил пощады. Ни один не отрёкся от своих убеждений.

Рылеев, поднимаясь на эшафот, сказал: «Господа, надо отдать последний долг». И перекрестился.

Их поставили на скамьи. Накинули петли. Выбили скамьи из-под ног.

И тут случилось страшное. Три верёвки оборвались. Пестель, Рылеев и Каховский упали в яму, вырытую под виселицами. Живые. Оглушённые. Со сломанными костями.

По старому русскому обычаю — если верёвка оборвалась, преступника миловали. Считалось: сам Бог не хочет его смерти.

Но не в этот раз.

Их снова подняли на эшафот. Снова накинули петли. Уже новые — старые не готовили, потому что не думали, что понадобятся.

Рылеев успел сказать: «Проклятая страна, где не умеют ни составить заговор, ни судить, ни вешать!»

И их повесили.

Вторично.

III

В доме Волконских Мария узнала о казни в тот же день.

Ей рассказала мать — со слезами, с горечью. Она знала многих казнённых лично. Пестель гостил у них в Одессе. Рылеев переписывался с её братом Николаем.

Мария выслушала молча. Потом ушла в свою комнату. Долго стояла у окна.

Потом села к письменному столу. И начала писать.

Первое письмо — императору. Прошение о разрешении следовать за мужем в Сибирь.

«Ваше Императорское Величество. Обращаюсь к Вам с почтительнейшей просьбой. Мой муж, князь Сергей Григорьевич Волконский, приговорён к каторжным работам в Сибири. Я, его законная жена, прошу Вашего высочайшего дозволения последовать за ним и разделить его участь. Я готова принять все ограничения, которые Вы сочтёте нужным на меня наложить. Готова отказаться от дворянского звания, от имения, от всех прав. Прошу только об одном — не разлучать меня с супругом. Милостивая государыня княгиня Мария Волконская».

Второе письмо — родителям. Мужу написать не могла — он был в крепости, письма перлюстрировались. А родителям — нужно было. Нужно было предупредить. Подготовить. Попросить.

«Дорогие мои, любимые маменька и папенька. Пишу вам с тяжёлым сердцем. Я приняла решение, которое, я знаю, вас огорчит. Но иного пути у меня нет. Я еду за Сергеем в Сибирь. Прошу вас — не отговаривайте. Прошу вас — благословите. Прошу вас — позаботьтесь о Николушке. Я оставляю его вам. Я знаю, что вы его любите не меньше, чем я. Я надеюсь, что когда-нибудь смогу вернуться. Или он приедет ко мне. Или... как Бог даст. Ваша дочь Маша».

Она написала эти письма. Запечатала. Позвонила слуге. Отдала распоряжение — отправить с курьером.

И только когда слуга вышел — она разрешила себе заплакать.

IV

Реакция родителей была страшной.

Первым в Петербург приехал отец — генерал Николай Николаевич Раевский. Герой войны двенадцатого года. Тот, кто под Салтановкой шёл в атаку с двумя сыновьями-подростками, ведя за собой солдат. Тот, о ком Пушкин писал стихи. Живая легенда русской армии.

Ему было пятьдесят пять лет. И он был сломлен горем.

Он вошёл в дом дочери — сгорбленный, с покрасневшими глазами, с трясущимися руками. Обнял её. Долго не отпускал. Потом посадил напротив себя. И заговорил — тихо, тяжело, каждое слово с трудом.

— Маша. Ты моя старшая. Моя любимая. Я тебя всегда любил больше всех. Ты знаешь.

— Знаю, папенька.

— Маша. Я солдат. Я всю жизнь исполнял долг. Я знаю, что такое честь. И я тебе говорю: то, что ты задумала — это не честь. Это безумие. Это самоубийство.

— Папенька...

— погоди. Дай мне сказать. Я думал об этом день и ночь. Всю дорогу из Одессы. Ты — молодая женщина. Тебе двадцать лет. У тебя грудной ребёнок. У тебя вся жизнь впереди. А ты хочешь всё это бросить. Ради чего? Ради человека, который сам себя погубил. Который вас всех погубил.

— Он мой муж.

— Он был твоим мужем. Теперь он — государственный преступник. Мертвец для общества. Мертвец для семьи. Он сам, своими руками, разрушил всё. И теперь ты хочешь пойти за ним в могилу?

— Папенька, — Мария подняла на отца глаза, полные слёз. — Я перед Богом клялась. В горе и в радости.

— Бог не требует от нас самоубийства! Бог требует от нас разума! Бог дал тебе сына — думай о сыне!

— Я думаю о сыне.

— Как? Как ты о нём думаешь? Ты его бросаешь!

— Я его не бросаю. Я оставляю его вам. Вы его вырастите. Вы его любите. Он будет с вами счастлив. А я...

— А ты — что? Умрёшь в Сибири? От чахотки? От родов в глухой избе? Замёрзнешь в тайге? Тебя изнасилуют беглые каторжники? Ты об этом подумала?

Мария молчала.

Отец встал. Прошёлся по комнате. Остановился у окна.

Долго стоял. Потом обернулся.

Лицо его было мокрым от слёз. Но голос — твёрдым.

— Мария Николаевна. Слушай меня. Если ты поедешь — я тебя прокляну. Ты слышишь? Проклясть я тебя не смогу — потому что люблю. Но я скажу тебе так: если ты поедешь — ты убьёшь меня. Я не переживу этого. Я не проживу и года. Ты понимаешь? Ты берёшь на душу ещё и мою смерть.

Мария закрыла лицо руками. Она рыдала беззвучно, только плечи дрожали.

Отец подошёл. Опустился перед ней на колени. Взял её руки в свои.

— Маша. Родная моя. Умоляю. Не езжай. Останься. Ради сына. Ради меня. Ради матери. Ради всех нас.

— Папенька... — прошептала она сквозь слёзы. — Я не могу. Я поеду.

Он посмотрел на неё долго-долго. Потом медленно поднялся. Отошёл к двери. У порога обернулся.

— Значит, ты его любишь больше, чем нас.

— Я люблю вас всех. Но он мой муж. Я перед Богом. Я не могу иначе.

Отец кивнул. Молча. Открыл дверь. И вышел.

Они больше никогда не увиделись при жизни. Генерал Раевский умер через три года. Мария была уже в Сибири. Она получила известие о смерти отца с большим опозданием. И плакала о нём до конца своих дней.

V

Свекровь Марии — княгиня Александра Николаевна Волконская — была фрейлиной императрицы-матери. Женщина при дворе, привыкшая к придворным интригам. Гордая. Умная. Холодная.

Она вызвала невестку к себе. Не приехала — вызвала.

Мария явилась. Свекровь приняла её в парадной гостиной. Не встала навстречу. Только указала на кресло.

— Итак, вы решили ехать.

— Да, ваше сиятельство.

— Оставив ребёнка на моё попечение.

— Ваше сиятельство, я не могу его взять. Закон не позволяет.

— Разумеется. Я знаю закон. Я вас не упрекаю. Я только уточняю.

Свекровь помолчала. Потом заговорила — спокойно, размеренно:

— Мария. Я тоже мать. Я тоже теряю сына — навсегда. Мой Серёжа для меня мёртв. Ни разу его не увижу больше. Не смогу проводить в последний путь. Не смогу похоронить. Я старею, я его переживу — но не по-настоящему, а формально, потому что фактически он для меня уже умер.

— Мне очень жаль, ваше сиятельство.

— Не перебивайте. Я к чему это говорю. Я не буду вас отговаривать. Я знаю — бесполезно. Раз вы приняли решение — вы поедете. Я даже — как ни странно — уважаю ваш выбор. Я в вашем возрасте, наверное, не решилась бы. У меня не хватило бы мужества.

Мария подняла голову. Она не ожидала таких слов.

— Ваше сиятельство...

— Слушайте дальше. Ребёнка я возьму. Николушку. Я буду ему бабушкой. Настоящей. Я его вырасту. Дам ему образование. Введу в свет. Он будет знать, кто его отец. Я не позволю никому его унижать. Обещаю вам.

— Спасибо, ваше сиятельство.

— И ещё. Я оставлю ему часть состояния, положенную ему по праву. Он не будет нищим. У него будет всё.

— Я знаю. Я вам доверяю. Иначе я не смогла бы уехать.

Свекровь помолчала. Потом сказала — тихо, почти шёпотом:

— Мария. Я хочу, чтобы вы знали. Я горжусь вами.

Мария не выдержала — заплакала.

Свекровь встала. Подошла. Положила руку на её голову.

— Не плачьте, дочь моя. Езжайте. И передайте моему сыну — что мать его благословляет. И что она будет молиться о нём каждый день до самой своей смерти.

VI

Екатерина Трубецкая уехала первой.

Двадцать четвёртого июля тысяча восемьсот двадцать шестого года — через одиннадцать дней после казни на кронверке. Её муж уже был отправлен по этапу в Иркутск. Она собиралась быстро. Пока не передумала. Пока не сломалась.

Родители — старый граф Лаваль и его жена — плакали, но не отговаривали. Они знали свою дочь. Они знали: если она решила — не остановишь.

Отец дал ей на дорогу большую сумму денег. Золотом. Она понадобится — во всех смыслах.

Мать благословила иконой.

На прощание Екатерина зашла к Марии. Обнялись. Долго не могли отпустить друг друга.

— Катя, — прошептала Мария. — Не оставляй меня. Я скоро приеду. Только соберусь. Только с сыном попрощаюсь.

— Жду тебя. В Иркутске жду. Как только сможешь — приезжай. Вместе нам будет легче.

— Береги себя. Не заболей в дороге.

— И ты. И ты береги себя.

Ещё одно объятие. Ещё слёзы. И — Екатерина ушла.

Её карета выехала из Петербурга ранним утром. По Ярославскому тракту. На восток. На восход. Туда, где солнце встаёт над Уралом. Туда, где ждёт Сибирь.

Мария стояла у окна и смотрела вслед. Долго. Пока карета не скрылась за поворотом.

Потом она подумала: «Теперь я осталась одна. Совсем одна. Мне нужно быть сильной».

VII

Начались последние дни в Петербурге.

Мария готовилась к отъезду методично, обстоятельно. Она понимала: возврата не будет. Всё, что она возьмёт с собой, — это всё, что у неё останется. Всё, что оставит — она никогда больше не увидит.

Она собирала вещи. Не роскошные — практичные. Тёплую одежду. Шубы. Валенки. Простые платья, которые не жалко будет носить в глуши. Бельё. Немного украшений — на случай, если понадобится продать. Иконы — родительское благословение и старинную семейную икону Богородицы.

Книги. Много книг. Она не могла ехать без книг. Собрания сочинений — Пушкина, Жуковского, Байрона. Учебники — французского, немецкого, английского. Тома по истории, философии, естественным наукам. Она думала: в Сибири нам не будет с кем говорить, кроме друг друга и своих книг. Книги нужно взять.

Ноты. Мария играла на фортепиано, хорошо пела. Она не могла ехать без музыки. Взяла ноты Моцарта, Гайдна, Шуберта. Романсы. Церковные песнопения.

Медикаменты. Хинин от лихорадки. Опиум от боли. Мази. Бинты. Она понимала, что там врачей не будет.

Семена. Мария взяла с собой семена цветов — резеды, гвоздики, левкоя. Она хотела посадить их там, где будет жить. Чтобы было немного красоты. Немного дома.

И — деньги. Много денег. Свекровь дала. Мать прислала. Родственники собрали. Мария понимала: деньги в Сибири решают всё. За деньги можно купить лошадей, продовольствие, лекарства. За деньги можно подкупить охрану, чтобы разрешили лишнее свидание. За деньги можно спасти жизнь — свою или мужа.

Всё было готово. Только одно ещё оставалось.

Прощание с сыном.

VIII

Николушке было в это время почти год.

Он уже стоял, держась за мамину юбку. Уже говорил первые слова — «мама», «баба», «на». Уже улыбался всем своим беззубым ртом. Уже узнавал всех своих — маму, бабушку, кормилицу, няню.

Он был очень красивый ребёнок. Тёмненький, кудрявый — весь в мать. Только глаза — как у отца. Умные, глубокие, серьёзные.

Мария в последние дни почти не отходила от него. Держала на руках. Пела ему. Рассказывала сказки — хотя он ещё ничего не понимал. Целовала — крошечные пальчики, тёплую макушку, пухлые щёчки.

Она понимала: она видит его в последний раз.

Может быть, она вернётся. Может быть, он приедет к ней. Может быть, Господь даст им встречу. Но того Николушки — годовалого, розового, тёплого, только начинающего жить

— она больше не увидит никогда. Он вырастет без неё. Первые слова, первые шаги, первые радости, первые слёзы — всё это пройдёт без неё. Она узнает о них из писем.

Накануне отъезда — тридцатого декабря тысяча восемьсот двадцать шестого года — Мария не спала всю ночь.

Она сидела у колыбели сына. При свечах. Смотрела, как он спит. Слушала его тихое дыхание.

Она молилась. Тихо, беззвучно. Просила Бога об одном — сохрани его. Что бы ни было со мной — сохрани его. Дай ему жизнь. Дай ему счастье. Дай ему любовь. А мне — только знать, что он жив. Больше ничего не прошу.

Под утро она задремала прямо в кресле. Проснулась от того, что кормилица тихо трясла её за плечо.

— Ваше сиятельство. Пора вставать. Пора ехать.

Мария посмотрела в окно. Уже светало. Первое утро тысяча восемьсот двадцать седьмого года.

IX

Она взяла сына на руки.

Он ещё спал. Только когда она подняла его — открыл глазки. Посмотрел на маму. Улыбнулся сонной улыбкой.

Она прижала его к груди.

— Николушка мой. Сыночек. Прости меня.

Он не понимал. Он был слишком мал. Он только тянулся к маминому лицу, гладил её мокрые щёки маленькой ручкой.

Мария целовала его — макушку, лоб, щёки, ручки, ножки. Все места. Все места, чтобы запомнить. Чтобы взять с собой в память — теплоту его тела, запах его волос, мягкость его кожи.

Потом отдала кормилице. Отвернулась. Не могла больше смотреть.

— Дарья. Береги его. Береги его, как своего.

— Ваше сиятельство. Не сомневайтесь. Как родного буду.

— Пиши мне. Каждый месяц пиши. О нём. О каждой мелочи. О том, что он ест, что говорит, что делает.

— Буду писать.

— И если... если что случится... сразу дай знать. Обязательно.

— Господь милостив, ваше сиятельство. С Николушкой всё будет хорошо.

Мария кивнула. Не могла говорить.

В комнату вошла свекровь. Тоже с сухими глазами — она держалась. Потом подошла. Обняла невестку.

— Езжай с Богом, дочь моя. Езжай.

— Александра Николаевна... берегите его. Как своего. Он всё, что у меня осталось.

— Знаю. Обещаю. Он будет расти в любви.

Ещё одно объятие. Ещё один взгляд на спящего сына в руках кормилицы.

И — Мария вышла.

Она шла через анфиладу комнат — своих комнат, где прожила два счастливых года с мужем. Прошла мимо гостиной — где были балы. Мимо кабинета — где Сергей писал письма. Мимо детской — где она рожала.

Всё это оставалось позади. Всё это переставало быть её.

Х

На улице ждала кибитка. Простая. Крытая. Тёплая. Запряжённая тройкой.

Возница — тот самый Иван, о котором ещё будет история. Молодой, крепкий, с честными глазами. Свекровь наняла его лично. Проверила. Одобрила.

Мария села в кибитку. Укутала ноги медвежьей полостью. Прижала к груди небольшую икону Богородицы — мамино благословение.

Свекровь стояла у крыльца. Крестила уходящую невестку.

— С Богом. С Богом, доченька.

— Александра Николаевна... — Мария наклонилась из кибитки. — Скажите Николушке когда-нибудь. Когда он вырастет. Скажите, что мама его любила. Больше жизни. Слышите? Больше жизни. И что уехала не потому, что не любила. А потому, что должна была. Скажете?

— Скажу. Обязательно скажу. Езжай, милая. Езжай.

Иван тронул лошадей. Кибитка покатилась.

Мария оглянулась в последний раз.

Дом на Мойке. Тёплые жёлтые окна. Свекровь на крыльце — маленькая, укутанная в шаль. И где-то там, в глубине дома, — её сын. Спящий. Не знающий, что мама уехала. Не знающий, куда. Не знающий, что не увидит её долгие годы.

Кибитка выехала со двора. Свернула на набережную. Побежала по петербургским улицам — к городской заставе. К дороге. К Уралу. К Сибири.

Мария прижимала к груди икону. Смотрела перед собой.

Слёзы текли по её лицу — но она их не вытирала.

Она думала: «Всё. Всё кончено. Прошлая жизнь закончилась. Начинается новая. Господи, дай мне сил. Господи, доведи меня до него. Господи, сохрани моего сына».

Кибитка выехала за городскую заставу. Впереди раскинулась заснеженная равнина — уходящая в бесконечность.

Начинался путь. Путь длиной в шесть тысяч вёрст. Путь, который длился месяцы. Путь, который знали немногие женщины в русской истории.

Дорога в Сибирь.

Часть 5. Первая в пути

I

Двадцать четвёртого июля тысяча восемьсот двадцать шестого года, ещё до восхода солнца, из Петербурга выехала карета.

Она была большая, крытая, дорожная — специально приспособленная для дальней дороги. Запряжена четвёркой лошадей. На козлах — опытный ямщик, нанятый графом Лавалем. В карете — молодая женщина в тёмном дорожном платье. Одна. Только с горничной.

Это была Екатерина Ивановна Трубецкая. Двадцать восьмая по счёту княгиня из знатнейшего рода. Дочь тайного советника графа Ивана Лавалья. Внучка герцога де Лаваль-Монморанси. Красавица, умница, любимица петербургского света. Хозяйка одного из самых блестящих салонов столицы.

Теперь она ехала — навсегда — из этого света. В Сибирь. За мужем.

Провожать её вышли только родители. Больше никого. Так распорядилась она сама — не хотела ни слёз, ни прощальных сцен. Хотела уехать тихо. Как будто просто в имение.

Отец, старик уже, обнял её последний раз.

— Катенька. Пиши. Как только сможешь — пиши.

— Буду писать, папенька.

— Береги себя.

— Постараюсь.

Мать — француженка, приехавшая когда-то в Россию гувернанткой, вышедшая замуж за русского графа, ставшая великосветской дамой — плакала беззвучно. Она умела держаться. Но сейчас держаться не получалось.

— Adieu, ma fille chérie...

— Adieu, maman.

Ещё поцелуй. Ещё объятие. И — карета тронулась.

II

Первые дни пути были самыми лёгкими.

Ярославский тракт — большая дорога, ухоженная, с исправными почтовыми станциями. На каждой станции меняли лошадей. Кормили. Давали отдохнуть.

Екатерина ехала быстро. По двадцать-двадцать пять вёрст в день. Иногда больше — если позволяли лошади и погода.

Она везла с собой немного вещей. Тёплую одежду. Книги. Иконы. Немного украшений — на всякий случай. И — самое главное — большую сумму денег. Золотом. Отец настоял. «Кать, деньги в России решают всё. Особенно там, куда ты едешь. Не жалея их. Плати щедро. Тебе всё пригодится».

Она не жалела. Платила ямщикам сверх меры — чтобы гнали быстрее. Платила смотрителям станций — чтобы давали лучших лошадей. Платила трактирщикам — чтобы кормили лучше.

Через две недели она была уже за Волгой. Ещё через неделю — за Уралом.

Урал. Здесь кончалась Европа. Здесь начиналась Азия. Здесь начиналась Сибирь.

III

Сибирь встретила её тайгой.

До этого — были поля, деревни, монастыри, знакомая среднерусская природа. За Уралом — тайга. Бесконечная. Тёмная. Молчаливая. Дорога вилась через неё узкой лентой. По сторо-

нам — стена деревьев. Ни жилья на многие вёрсты. Только изредка — небольшая деревня, ямщицкая станция, постоялый двор.

Люди тоже были другие. Крестьяне здесь никогда не знали крепостного права — Сибирь заселялась вольными людьми, беглыми, ссыльными, старообрядцами. Смотрели на проезжих спокойно, с достоинством. Не кланялись до земли. Разговаривали без подобострастия.

Екатерина заметила это сразу. И — почувствовала уважение к этим людям. За их независимость. За их спокойное достоинство.

На одной из станций она разговорилась со старым сибиряком.

— Куда путь держите, барыня?

— В Иркутск.

— Далеко. К мужу небось едете? К декабристу?

Екатерина насторожилась.

— Откуда вы знаете?

— А тут не первый год слышим. Многих ваших повезли. Всех — в Сибирь. Молва впереди вас идёт, барыня. И слух такой — что жёны за ними поедут. Вы, значит, первая?

— Первая.

Старик кивнул, глядя на неё внимательно.

— Хороший поступок. Достойный. Не забудет вас Бог за такое.

Она поблагодарила его и пошла в комнату для проезжающих. Там она долго думала над словами старика.

Молва впереди неё идёт.

Значит, там, впереди, — уже ждут. Уже готовятся. Уже думают, что с ней делать.

IV

Она была права.

В Иркутске сидел губернатор — Иван Богданович Цейдлер. Немец на русской службе. Педантичный, исполнительный, безупречный чиновник. К декабристам относился без личной злобы, но с полным сознанием своего долга.

А долг его был очень непростым.

Ещё в июле тысяча восемьсот двадцать шестого года — сразу после приговора — он получил из Петербурга секретное предписание. Подписанное лично императором Николаем I.

В предписании было следующее:

Всем губернаторам губерний, через которые будут следовать жёны государственных преступников, надлежит применить все возможные меры, чтобы отговорить упомянутых женщин от их намерения. Приказано: не препятствовать явно, но всячески затруднять. Показывать им условия ссылокаторжных в самом мрачном виде. Требовать подписания документов, лишаящих их всех прав. Не давать легких и удобных возможностей продолжить путь. Если возможно — задерживать под разными предлогами. Цель: чтобы упомянутые женщины сами отказались от своих намерений и вернулись назад.

Иван Богданович Цейдлер прочитал это предписание, вздохнул и убрал в верхний ящик стола. Он знал: рано или поздно эти женщины появятся. И тогда ему придётся исполнять.

Первая появилась в сентябре. Княгиня Трубецкая.

V

Екатерина въехала в Иркутск шестнадцатого сентября тысяча восемьсот двадцать шестого года.

Она проехала почти две месяца. Устала невыразимо. Но была полна решимости — только бы поскорее к мужу.

Из Иркутска до Нерчинских рудников, где содержали её Сергея, оставалось ещё около семисот вёрст. Она рассчитывала за неделю добраться.

Не тут-то было.

На следующий день после приезда её пригласил к себе губернатор.

Приёмная губернатора была строгая. Портрет императора на стене. Стол под зелёным сукном. Иван Богданович встал ей навстречу — вежливо, но без улыбки.

— Ваше сиятельство. Присаживайтесь, прошу вас.

Он был человеком лет пятидесяти. Аккуратный, подтянутый, с холодными светлыми глазами.

Екатерина села. Ждала.

— Ваше сиятельство, — начал он, — я обязан сообщить вам, что дальнейший путь ваш связан с определёнными формальностями. Прежде чем вы сможете продолжить, вам необходимо ознакомиться с несколькими документами.

— Какими документами?

Он открыл папку. Достал несколько листов.

— Вот. Это перечень условий, которые вам необходимо принять. В соответствии с высочайшим повелением.

Он передал ей бумаги. Она взяла. Начала читать.

VI

Условия были составлены так, чтобы напугать. Чтобы сломать.

Первый пункт. Княгиня, следующая за мужем-каторжником, лишается всех прав дворянства. Отныне она становится женой ссыльнокаторжного. С соответствующими последствиями. Ни титула, ни привилегий. Формально — приравнивается к жене простого крестьянина.

Второй пункт. Княгиня лишается всякого права на владение собственным имуществом. Всё её имение — родительское, приданое, дарёное — переходит в казну или к родственникам. Она не может ничего продать, купить, завещать.

Третий пункт. Все дети, которые родятся у неё в Сибири, будут считаться государственными крестьянами. Не дворянами. Не наследниками титула. Обычными крестьянами. С крепостной судьбой.

Четвёртый пункт. Свидания с мужем — только по особому разрешению коменданта. Не чаще двух раз в неделю. Продолжительностью не более часа. В присутствии часового.

Пятый пункт. Проживать княгиня будет не в доме мужа — а в отдельной, снятой ей квартире или в казённом домике при остроге. Совместное проживание запрещено.

Шестой пункт. Обратный выезд из Сибири категорически запрещён. Даже после смерти мужа. Даже по амнистии. Она остаётся в Сибири навсегда.

Седьмой пункт. Переписка ограничена. Все письма — только через комендатуру. Читаясь. Могут быть задержаны. Могут быть уничтожены.

И — последний, самый страшный пункт.

Восьмой. Княгиня должна подписать документ, что она осознаёт все эти условия и добровольно принимает их. Что она понимает: возврата назад — не будет. Что она сознательно разрушает свою жизнь.

VII

Екатерина дочитала до конца. Положила бумаги на стол. Подняла глаза на губернатора.

— Иван Богданович. Разрешите узнать. Все эти условия — они действительно необходимы? Или это способ меня отговорить?

Цейдлер вздрогнул. Не ожидал такой прямоты.

— Ваше сиятельство. Условия таковы, как я их вам предъявил. Это высочайшее повеление.

— Но императрица-мать — двоюродная тётка моего мужа. Царское семейство знает, что мы порядочные люди. Зачем такая жестокость?

— Ваше сиятельство. Не мне обсуждать высочайшие решения. Моё дело — исполнять.

Он помолчал. Потом добавил — уже мягче, почти по-человечески:

— Ваше сиятельство. Я прошу вас — подумайте хорошенько. Не подписывайте сгоряча. Погостите у нас несколько дней. Отдохните с дороги. Осмотритесь. А потом — если ваше решение не изменится — подпишем.

— Мне не нужно думать, Иван Богданович. Я всё обдумала ещё в Петербурге. Дайте перо.

— Ваше сиятельство...

— Дайте перо.

Цейдлер вздохнул. Достал чернильницу. Обмакнул перо. Подал ей.

Екатерина взяла перо. Наклонилась над документом. Быстро, размашисто расписалась.

«Княгиня Екатерина Трубецкая».

Отдала перо обратно.

— Всё. Теперь могу я ехать?

— Ваше сиятельство. К сожалению, нет. Есть ещё некоторые формальности. И, кроме того, дорога сейчас затруднена. Начинаются осенние дожди. Реки разливаются. Мосты повреждены. Нужно подождать.

— Сколько?

— Недели две-три. Возможно, месяц.

VIII

Прошёл месяц. Дороги «оставались непроходимыми».

Прошёл второй месяц. «Не готовы лошади для дальнейшего пути».

Прошёл третий месяц. «Есть распоряжение из Петербурга — уточнить некоторые детали». — «Какие детали?» — «Не могу разглашать. Официальная переписка».

Екатерина жила в снятом ей домике на окраине Иркутска. Одна. С горничной. Ей было холодно, тоскливо, страшно. За окном шёл сначала осенний дождь, потом — первый снег. Начиналась сибирская зима.

Она писала мужу — письма перлюстрировались, часть не доходила.

Писала отцу — то же самое.

Писала императору — просила ускорить решение вопроса.

Ответа не было.

Она поняла: это тактика. Её медленно, методично, терпеливо ломают. Ждут, когда она устанет. Когда сдастся. Когда согласится вернуться.

Иногда — вечерами, когда за окном выла метель, — ей и правда хотелось сдаться. Заплакать. Броситься назад. К отцу, к матери, к тёплому дому, к прежней жизни.

Но потом она думала о Сергее. Как он там — за семьсот вёрст отсюда, в остроге, в кандалах, не знающий, доехала ли она.

И — оставалась.

IX

В конце декабря тысяча восемьсот двадцать шестого года — через три с половиной месяца после её приезда в Иркутск — губернатор снова вызвал её к себе.

Она пришла — исхудавшая, с бледным лицом, с запавшими глазами. Но такая же прямая, такая же решительная.

Цейдлер посмотрел на неё — и что-то в нём дрогнуло. Он был человеком служебным, но не бесчеловечным.

— Ваше сиятельство. Я получил из Петербурга новое предписание.

— Какое?

— Ещё один документ. Который я должен вам предъявить.

Он достал бумагу.

Екатерина взяла. Прочитала.

Это было последнее, самое страшное, что могли придумать. Документ, в котором она должна была отказаться от возможности видеть своего мужа до его смерти. То есть — принять условия, при которых она может приехать в Нерчинск, но никогда не увидит Сергея. Она будет жить в отдельном доме, за много вёрст от острога. Только письменное общение. Свидания — по особому разрешению, раз в полгода, десять минут через решётку.

Это было издевательство. Абсурд. Никакого смысла в этом не было — кроме одного: испытать её решимость до предела.

Екатерина читала. Читала. Потом посмотрела на Цейдлера.

— Иван Богданович.

— Слушаю, ваше сиятельство.

— Скажите мне честно. Как перед Богом. Это последнее? Или потом будет ещё что-нибудь?

Цейдлер долго молчал. Потом ответил тихо:

— Не знаю, ваше сиятельство. Может, будет и ещё. Я не знаю их планов.

— Но вы должны это исполнять?

— Должен.

— И если я подпишу — вы меня отпустите?

— Скорее всего — да. Оснований задерживать больше не будет.

Екатерина кивнула.

— Хорошо.

Она наклонилась над документом. Обмакнула перо.

— Подождите, — сказал Цейдлер вдруг.

Она подняла голову.

— Что?

Цейдлер встал. Прошёлся по комнате. Долго стоял у окна. Потом обернулся.

— Ваше сиятельство. Я исполняю свой долг. Но я — тоже человек. И у меня есть жена. И я не могу больше... не могу больше видеть, как вы... как вы губите себя из-за нашего бесчеловечия. Я подпишу вам разрешение на выезд. Без этой последней подписи. Я — превышу свои полномочия. Могу быть наказан. Но я это сделаю.

Екатерина не могла поверить своим ушам.

— Иван Богданович... как же так?

— Езжайте. Езжайте к мужу. И — если получится — молитесь за меня. За старика, который слишком долго был чиновником и слишком редко — человеком.

Он подошёл к столу. Взял чистый лист. Быстро написал разрешение. Проставил печать. Подписал.

— Вот. Возьмите. Завтра же выезжайте. Я распоряжусь о лошадях.

Екатерина взяла бумагу. Слезы текли по её лицу. Она не могла говорить.

Цейдлер тоже был взволнован. Он подошёл к ней. Взял её руку. Поднёс к губам. Поцеловал — по-старинному, по-рыцарски.

— Ваше сиятельство. Я никогда не видел такого мужества. Особенно в женщинах. Езжайте. И знайте — я буду помнить вас всю оставшуюся жизнь.

Х

На следующее утро — двадцать четвёртого декабря тысяча восемьсот двадцать шестого года — Екатерина Ивановна Трубецкая выехала из Иркутска.

Ровно через пять месяцев после того, как выехала из Петербурга.

Впереди было ещё семьсот вёрст. По снегу. По морозу. По глухой сибирской тайге. Но она уже знала — это последний отрезок. Дальше — Сергей.

Она сидела в возке, укутанная в тулуп. Горничная — рядом. Ямщик — на козлах.

Возок катился по накатанной снежной дороге. Полозья скрипели. Морозный воздух обжигал лицо.

Екатерина думала: «Пять месяцев. Я потеряла пять месяцев. Но я не сломалась. Я не отступила. Я еду к тебе, Серёжа. Я еду».

Она достала из-за пазухи маленькую иконку Богородицы — материнское благословение. Прижала к губам.

— Спасибо, Владычица. Спасибо, что не оставила меня. Спасибо, что дала силы.

Возок катился и катился. Впереди — тайга, мороз, ночь. Впереди — Нерчинск. Впереди — свидание с мужем, о котором она мечтала все эти долгие месяцы.

ХІ

Через четыре дня, вечером двадцать восьмого декабря, возок княгини Трубецкой подъехал к воротам Благодатского рудника.

Небольшой сибирский острог. Деревянные стены. Караульные вышки. Тусклые огни в окнах комендантского дома.

Екатерина вышла из возка. Ноги её дрожали — от долгого сидения, от холода, от волнения.

Часовой у ворот преградил ей путь.

— Кто такие? По какому делу?

Она подняла голову. Голос её был твёрдым и ясным.

— Я — княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая. Я приехала к своему мужу, князю Сергею Петровичу Трубецкому. Прошу немедленно проводить меня к нему.

Часовой опешил. Он не ожидал такого. Он видел этих каторжников — оборванных, в кандалах, обритых. И вдруг — княгиня. Настоящая. К одному из них.

Он позвал начальника караула. Тот — коменданта. Комендант — растерянно принял разрешение из Иркутска. Прочитал. Проверил печать.

— Так точно, ваше сиятельство. Всё в порядке. Проходите.

Её повели через двор острога. По тёмным коридорам. К дверям одной из камер.

Комендант достал большой ключ. Долго возился с замком. Наконец — замок щёлкнул.

Дверь открылась.

Из тёмной камеры пахло сыростью, дымом, потом. На узкой лавке, у крошечного окошка, сидел человек. В сером арестантском халате. Обритый. С кандалами на ногах.

Он поднял голову.

Их глаза встретились.

Секунду он не мог понять. Потом — понял.

— Катя, — прошептал он. — Катенька...

Он попытался встать. Кандалы звякнули. Он покачнулся, чуть не упал.

Екатерина бросилась к нему.

Через два шага упала на колени. И — обхватила руками эти цепи. Прижалась к ним губами.

— Серёжа. Мой Серёжа. Прости меня, что так долго. Прости меня, что не быстрее. Я здесь. Я приехала. Я больше никогда не оставлю тебя. Никогда. Никогда. Никогда.

Он плакал. Не мог говорить. Только гладил её волосы своей грязной, исхудалой рукой.

Комендант стоял в дверях. Он видел всё это. И — впервые за много лет службы — не мог сдержать слёз.

Он повернулся. Тихо закрыл дверь. Оставил их вдвоём.

За окошком камеры выла зимняя сибирская метель. А внутри — тихо, тихо, беззвучно — плакали и обнимались двое. Муж и жена. Через кандалы. Через все преграды. Через все пять тысяч вёрст, которые их разделяли.

Она приехала. Она — первая — доехала.

Теперь оставалось дожидаться вторую.

Часть 6. Мария едет следом

I

Мария Николаевна Волконская выехала из Петербурга ранним утром первого января тысяча восемьсот двадцать седьмого года.

Первый день нового года. Первое утро новой жизни.

За её плечами оставались: дом на Мойке, свекровь, крестившая её у крыльца, спящий в детской годовалый сын, вся её прошлая жизнь — двадцать лет, которые казались одним долгим счастливым сном.

Впереди — заснеженная петербургская застава. Дорога. Урал. Сибирь. Муж.

Она сидела в кибитке, укутанная в тулуп и соболью полость. На груди — маленькая иконка Богородицы, материнское благословение. Рядом — небольшой сундучок с самыми нужными вещами. Основной багаж следовал за ней в отдельном обозе, с двумя слугами.

На козлах — молодой ямщик по имени Иван. Двадцати трёх лет. Крепкий, высокий, с русыми волосами и честными серыми глазами. Свекровь наняла его лично — приказала камердинеру найти самого надёжного. Такого, кто довезёт до Иркутска и не подведёт.

Иван покосился на барыню. Она сидела прямо, смотрела перед собой. Глаза сухие. Только руки, сжимавшие иконку, немного дрожали.

Он сочувственно вздохнул и тронул лошадей.

— Ну, милые. С Богом.

II

Первые дни пути прошли примерно так же, как у Екатерины пять месяцев назад.

Ярославский тракт. Почтовые станции. Смена лошадей. Ночёвки в трактирах. Морозы. Метели. Ясные морозные дни, когда снег искрится на солнце и белые дали кажутся бесконечными.

Мария ехала молча. Разговаривала мало. Только с Иваном — коротко, по делу.

— Иван, далеко до следующей станции?

— Пятнадцать вёрст, ваше сиятельство.

— Успеем засветло?

— Успеем.

Иван быстро понял свою барыню. Она не была капризной. Не жаловалась. Не кричала. Терпела холод. Терпела тряску. Терпела скудную еду на станциях.

Только одного она не могла терпеть — задержек. Как только останавливались — она тревожилась. Спрашивала: «Скоро ли поедет? Когда лошадей запрягут?»

Иван понимал её. Он не знал точно, куда и зачем она едет, — но знал главное. Барыня едет к мужу. Мужа увезли в Сибирь. Стало быть, к декабристу.

О декабристах в народе говорили разное. Кто-то ругал — бунтовщики, изменники. Но большинство — сочувствовало. Простой народ понимал: господа эти хотели добра. Не для себя — для народа. За это и пострадали.

Иван относился к барыне с глубоким уважением. Молодая, красивая, богатая — а всё бросила. Ради мужа. Такое не каждая мужская душа выдержит, не то что женская.

III

Через десять дней пути они пересекли Волгу.

Это было в Нижнем Новгороде. Река ещё не совсем замёрзла — на середине оставались чёрные полыньи. Возок переезжали по льду медленно, осторожно, следом за санями местного купца, который знал безопасные места.

На той стороне — уже другая Россия. Более провинциальная. Более простая. Более настоящая.

Мария смотрела на волжские берега. На старинные монастыри. На деревни, притулившиеся у самой реки. И думала — как же велика её страна. Она никогда раньше не выезжала так далеко от Петербурга. Всё, что она знала, — это столица, дачи под Петербургом, имение Раевских на Украине. А теперь — Волга. Скоро Урал. Сибирь.

На одной из ямских станций, где они остановились менять лошадей, Мария вышла из кибитки размяться. Прошлась по двору. Зашла в трактир.

Внутри было тепло, пахло щами и хлебом. За длинным столом сидели проезжие. Ямщики. Купцы. Отдельно — какой-то господин в дорожном плаще, читавший книгу.

Мария заказала себе чаю. Села за отдельный стол, у окна.

И вдруг почувствовала — на неё смотрят.

Она подняла глаза.

Господин в плаще опустил книгу и внимательно на неё смотрел.

Мужчина лет тридцати. Худощавый, высокий. Тёмные волосы. Умное, немного печальное лицо. Одет прилично, но не богато. Не барин. И не купец. Кто-то среднего сословия — офицер в отставке? Учёный? Литератор?

Он встретил её взгляд — и быстро отвёл глаза. Уткнулся в книгу.

Мария подумала: странно. И — забыла.

IV

На следующей станции — та же история.

Мария вышла из кибитки. Пошла в дом отдохнуть. И снова — там же — тот же господин с книгой.

Мария насторожилась. Совпадение? Или он едет тем же путём?

Она села в стороне. Незаметно наблюдала за ним.

Он не смотрел в её сторону. Пил чай. Читал. Расплатился и вышел.

Мария посмотрела в окно — как он садится в свои сани. Тоже кибитка. Тоже одна лошадь. Тоже ямщик.

Совпадение. Просто едет в ту же сторону.

Но на третьей станции — снова он.

И на четвёртой.

И на пятой.

Мария поняла: не совпадение. Этот человек едет за ней.

Кто он? Тайный агент? Жандарм, приставленный следить, чтобы она не остановилась и не повернула назад? Или, наоборот, — чтобы найти повод её задержать, обвинить в чём-то, помешать?

Или — не приведи Господь — грабитель, высматривающий одинокую богатую путешественницу?

Она позвала Ивана. Отвела его в сторону от кибитки. Прошептала:

— Иван. Ты заметил того господина в тёмном плаще? Который едет за нами уже несколько станций?

Иван кивнул серьёзно:

— Заметил, ваше сиятельство. Уже дня три как.

— Кто он? Что ему надо?

— Не знаю, барыня. Но нюхом чувствую — не простой человек. И не жандарм. Жандарма я бы узнал.

— Что же нам делать?

Иван подумал.

— Ваше сиятельство. Позвольте мне вечером с ним поговорить. Как ямщик с ямщиком. С его возницей. У ямщиков языки развязанные — я всё узнаю.

— Хорошо. Только — осторожно.

V

Вечером остановились на большой станции — не то селе, не то маленьком городке. Мария сняла себе комнату для ночёвки. Иван пошёл в общую людскую — переспать и, как условились, поговорить.

Она долго не могла уснуть. Лежала в тёплой избе. Слушала, как за окном воет ветер. Как где-то далеко лают собаки. Как в соседней комнате переговариваются проезжие.

Она думала о Николушке. Как он там? Проснулся ли ночью? Плачет ли? Кто его успокаивает?

Она думала о Сергее. Дошёл ли он до Нерчинска? Жив ли? Здоров ли?

Она думала о Кате Трубецкой. Где она сейчас? Тоже, наверное, в дороге. Или уже приехала. Или — задерживают, как её сама Мария знала, что задержат.

Уснула она поздно. И проснулась рано, ещё до рассвета — от того, что кто-то тихо стучал в дверь.

Это был Иван.

— Ваше сиятельство. Простите, что рано. Но мне нужно с вами говорить.

Мария накинула халат. Впустила его.

— Что узнал?

Иван вошёл, сел на стул у двери, снял шапку.

— Ваше сиятельство. Дело странное. Ямщик его — простой мужик, из-под Твери. Молчаливый. Но за штоф водки — разговорился.

— Ну?

— Господин этот — не совсем простой. Ямщик сам не знает, кто он такой. Говорит: барин заплатил хорошо, велел везти на восток, до самого Иркутска. Никаких документов не показывал. Имени не назвал. Держится замкнуто.

— Значит — тайный агент?

— Не думаю, ваше сиятельство. Тайные агенты не так ездят. У них подорожная — от властей, всё в порядке. А этот... этот от властей скрывается. Ямщик заметил — на каждой станции он держится в стороне. Не подходит к смотрителю. Документы старается не показывать. Спит в кибитке, а не в комнате — чтобы никто в лицо не запомнил.

— Странно.

— Странно, барыня. И ещё одно. Ямщик слышал ночью, как господин этот во сне разговаривал. Бредил. Называл какое-то имя. Женское. Настя, или Наташа, или Надежда — не разобрал.

Мария нахмурилась.

— Иван. Что же нам с ним делать?

— Не знаю, ваше сиятельство. Может, обгоним его? Или, наоборот, отстанем? Если он за нами следит — увидим, поедет ли следом.

— Хорошо. Давай попробуем обогнать. Пусть увидим, что будет.

VI

В тот день они выехали пораньше — до рассвета. Гнали быстро. Меняли лошадей быстрее обычного — Иван совал ямщикам лишние деньги, торопил.

К вечеру они были на два станка впереди таинственного попутчика.

Мария думала: всё, оторвались.

Заночевали в очередной деревне. Утром выехали снова рано.

И на следующей станции — снова он.

Кибитка стояла у крыльца. Тот же ямщик распрягал лошадей. И тот же человек в плаще выходил из трактира, застёгивая пуговицы.

Мария и Иван переглянулись.

— Ваше сиятельство. Он нас догоняет. Значит — точно за нами.

— Что же он хочет?

— Не знаю, барыня. Но я его сегодня прижму к стенке. Спрошу напрямую.

— Иван, будь осторожен. Он может быть опасен.

— Ничего. Я тоже не из робких.

VII

В тот же вечер, в маленьком трактире на очередной станции, Иван подошёл к таинственному попутчику.

Тот сидел за отдельным столом. Пил чай. Читал.

Иван без приглашения сел напротив.

Господин поднял глаза. Спокойно.

— Что вам угодно?

— Мне угодно понять, — сказал Иван тихо, но твёрдо. — Кто вы такой и зачем едете за моей барыней.

Господин посмотрел на него внимательно. Долго. Потом закрыл книгу.

— А ты, парень, не робкого десятка.

— Не робкого. Отвечайте.

— Хорошо. Отвечу. Только не здесь. Здесь уши. Выйдем.

Они вышли во двор. Мороз обжигал лицо. Луна светила над крышами.

Господин остановился у сарая. Огляделся. Убедился, что никто не слышит.

— Меня зовут Александр. Фамилию называть не буду — тебе не нужно. Я — не жан-дарм. Не агент. Не грабитель. Я — друг твоей барыни. Точнее — друг её мужа. И многих его товарищей.

Иван смотрел настороженно.

— Докажите.

— Как я могу доказать? Слушай. Твою барыню зовут Мария Николаевна Волконская. Её муж — князь Сергей Григорьевич. Он был осуждён по делу четырнадцатого декабря. Приговорён к двадцати годам каторги. Сейчас отправлен в Нерчинские рудники. Верно?

— Верно.

— Я знал его лично. Мы вместе служили в лейб-гвардии Кавалергардском полку. Я не был замешан в деле — потому что перед восстанием уехал на юг, к семье. Меня не искали. Но многие мои друзья — казнены или в Сибири.

— Так что же вы здесь делаете?

Александр помолчал. Потом сказал тихо:

— У меня был близкий друг. Его повесили. На кронверке. Тринадцатого июля. Его звали Кондратий Рылеев. Слышал?

Иван кивнул. Про Рылеева знали все.

— У него осталась вдова. Наталья Михайловна. С двумя маленькими детьми. Она в отчаянии — не знает, что делать. Хочет ехать в Сибирь, к его родственникам, — но не решается. Я везу ей его последнее письмо. Он написал накануне казни. Отдал его коменданту крепости — но комендант не стал передавать. Испугался. А потом, через полгода, — тайно передал мне. Через знакомого. Просил доставить вдове.

— Так вы едете к вдове Рылеева?

— Да. Она сейчас в имении под Тобольском, у родных. Мой путь лежит через Иркутск. А там — дальше, к ней.

— А почему вы едете за нашей барыней?

Александр посмотрел прямо в глаза Ивану.

— Потому что одному ехать опасно. У меня нет подорожной. Я езжу под другим именем. Меня могут задержать в любой момент. А если я еду рядом с знатной барыней — сам понимаешь, никто не станет придирается. Тень княгини Волконской меня прикрывает.

— То есть вы её используете.

— Да, — просто сказал Александр. — Использую. Но не во зло. Наоборот. Мы едем в одну сторону. Я могу быть полезен ей — как она мне.

— В чём же вы можете быть полезны?

Александр помолчал.

— В том, что я знаю Сибирь. Я там уже был — четыре года назад, по делам семьи. Знаю дорогу. Знаю нравы. Знаю, где какие смотрители, кому можно верить, кому нет. Знаю, что везти в подарок жандармам, чтобы не придирались. Знаю, как обходить проверки — если понадобится. Твоя барыня едет впервые. Ей будет трудно одной. А со мной — легче.

Иван думал. Долго. Потом сказал:

— Я передам барыне ваш разговор. Она сама решит — верить вам или нет. И если верить — то до какой степени.

— Хорошо. Согласен.

VIII

Ночью Иван всё рассказал Марии.

Она слушала молча. Потом задумалась.

— Иван. Как ты думаешь — он говорит правду?

— Ваше сиятельство. Врать может любой. Но я на него смотрел долго. Глаза — честные. Не бегают. Не прячутся. Голос ровный. И — самое главное — он о Рылееве говорил так, как говорят о близком человеке. Не понаслышке. С болью.

— И что ты советуешь?

— Ваше сиятельство. Я вам не советчик — я простой ямщик. Но я так думаю. Одному этому Александру доверяться сразу — рано. А присмотреться — можно. Пусть едет рядом. Мы будем наблюдать. Если он честный — сам себя покажет. Если врёт — обманет — и уйдёт.

Мария кивнула.

— Хорошо. Так и сделаем.

IX

На следующий день они встретились с Александром в трактире.

Мария подошла к нему сама. Он поднялся ей навстречу.

— Ваше сиятельство.

— Александр. Иван мне всё рассказал. О вашей цели путешествия. О вашем друге.

— Всё чистая правда, ваше сиятельство. Клянусь памятью Кондратия Фёдоровича.

— Хорошо. Я вам верю. По крайней мере — сейчас. Я не возражаю, если вы поедете рядом. Но с одним условием.

— Каким?

— Никаких попыток скрыть от меня что-то важное. Никакой лжи. Если у вас есть с собой что-то — какие-то документы, письма, — я хочу знать. Иначе — если нас остановят, если найдут что-то у вас, — пострадаю и я. Мне это не нужно.

Александр посмотрел на неё уважительно.

— Ваше сиятельство. Согласен. Я скажу вам всё, что вожу с собой. У меня — письмо Рылеева жене. Больше ничего опасного. Никаких документов, никаких списков, ничего.

— Хорошо. Тогда — едем вместе.

Они пожали друг другу руки. Станный жест для мужчины и знатной дамы. Но в тот момент — единственно правильный.

Х

Так их стало трое.

Мария — молодая княгиня, едущая к мужу.

Иван — молодой ямщик, преданный ей всей душой.

Александр — таинственный отставной кавалергард, везущий последнее письмо казнённого декабриста.

Три человека, разных по происхождению и по судьбе. Но связанных одной целью — доехать до Сибири. Одной болью — потеря близких. И одной верой — что они делают правое дело.

Дорога катилась дальше. Урал приближался.

На одной из станций Мария разговорилась с Александром — впервые по-настоящему. Он рассказал о себе больше. Он был из старинного, но небогатого дворянского рода. Служил в кавалергардах. Знал многих из тех, кто пошёл на площадь. Сам сочувствовал их идеям — но не был замешан лично. Уехал за несколько дней до восстания, к больному отцу.

— И потом мучился, — тихо сказал он. — Мучился, что не был с ними. Что не разделял их судьбу. Ведь я разделял их убеждения. Значит — должен был.

— Не корите себя, — сказала Мария. — Вы не знали. И вы делаете сейчас то, что можете. Везёте письмо. Помогаете вдове. Это тоже подвиг.

— Ваше сиятельство. Это малый подвиг. По сравнению с вашим.

Мария опустила глаза.

— Не преувеличивайте, Александр. Я просто еду к мужу. Как всякая жена ехала бы.

— Нет. Не всякая. Именно поэтому — ваш поступок будут помнить. Долго. Может быть, всегда.

ХІ

К концу января они были в Казани. Здесь их путь свернул на восток — к Уралу. Началась самая тяжёлая часть дороги.

Здесь же, в Казани, случилось то, что впервые проверило их союз на прочность.

На одной из городских улиц, куда они выехали пополнить припасы, к их саням подошёл человек в форме местного полицейского.

— Ваши документы, — сказал он строго.

Мария достала дорожную — свои документы были в полном порядке.

Полицейский взглянул на неё, отдал честь:

— Ваше сиятельство. Извините за беспокойство.

Потом повернулся к Александру, ехавшему рядом на своих санях.

— А ваши документы, милостивый государь?

Александр побледнел — Мария это заметила. Полез в карман. Достал какую-то бумагу. Передал.

Полицейский читал долго. Хмурился.

— Не понимаю. У вас здесь одно имя. А ямщик ваш говорит — вы велели вас другим именем звать. Что за путаница?

Александр молчал. Мария поняла — сейчас всё может рухнуть. Александра арестуют. И, возможно, свяжут его с ней — начнутся вопросы, задержки, проверки.

Она сделала шаг вперёд.

— Господин полицейский. Позвольте объяснить. Этот господин едет со мной — по моему поручению. Он — мой дальний родственник, помогает мне в дороге. Небольшое несоответствие в именах — это ошибка канцелярии в Петербурге, я сама распоряжусь всё исправить в Иркутске. Я готова поручиться за него своим словом и своим именем — княгини Волконской, урождённой Раевской.

Полицейский заколебался. Имя Раевских — героев войны — было известно всей России.
— Ваше сиятельство. Я, конечно, вам верю. Но — служба.

Мария наклонилась к нему. Тихо. Не заискивая, но твёрдо.

— Господин полицейский. Я ценю вашу службу. И я знаю: службу нужно уважать. Но я также знаю: за верную службу нужно и благодарить.

Она незаметно, элегантно вложила в его руку несколько золотых монет.

Полицейский так же незаметно спрятал их. Кашлянул. Вернул документы Александру.

— Всё в порядке, ваше сиятельство. Извините за задержку. Счастливого пути.

Он отдал честь и отошёл.

XII

Когда они выехали за город, Александр наклонился к Марии.

— Ваше сиятельство. Вы спасли меня. Я не знаю, как вас благодарить.

Мария посмотрела на него серьёзно.

— Александр. Мы связаны одной дорогой. Одной целью. И одной болью. Мы должны помогать друг другу.

— Но вы могли не вступаться. Вы могли отдалить меня. Спасти себя.

— Могла. Но — не хотела.

Александр посмотрел на неё. В его глазах было что-то новое — глубокое, почти благоговейное.

— Ваше сиятельство. Я запомню это. До конца моих дней.

Они поехали дальше.

Уже вечерело. Впереди раскинулась дорога — уходящая в бесконечную снежную даль. К Уралу. К Сибири.

Впереди была ещё большая часть пути. Впереди — множество опасностей. Впереди — множество испытаний.

Но теперь Мария знала — она не одна. Рядом с ней — верный ямщик Иван. И таинственный Александр, чью тайну она разгадала не до конца, но которому уже готова была доверять.

Три человека. Одна цель. Одна дорога.

Дорога в Сибирь.

Часть 7. Незнакомец

I

Урал открылся им в первых числах февраля.

Это было утро — ясное, морозное, ослепительное. Кибитка Марии выехала из леса на возвышенность, и вдруг перед ними распахнулась бескрайняя панорама.

Горы. Не такие высокие и грозные, как Кавказ, — но покрытые тайгой, синеющие в утренней дымке, уходящие волнами до самого горизонта. Через них, змеясь, шла дорога — узкая, старая, накатанная тысячами возков и обозов, шедших этим путём столетиями.

Иван остановил лошадей.

— Вот он, ваше сиятельство. Урал. Здесь Россия кончается. Дальше — Сибирь.

Мария вышла из кибитки. Ступила на снег. Долго смотрела на открывшийся простор.

Александр подъехал на своих санях. Тоже вышел. Встал рядом.

— Первый раз в жизни, — тихо сказала Мария, — я вижу такое. Так далеко от дома. Так... огромно.

— Россия — большая, ваше сиятельство. Мы, столичные жители, этого не понимаем. Пока не увидим своими глазами.

— И вот там, за этими горами, — Сибирь.

— Да. И там — ваш муж.

Мария долго смотрела вдаль. Потом достала из-за пазухи маленькую иконку Богородицы. Перекрестилась.

— Господи. Дай сил преодолеть.

Александр тоже перекрестился. И — впервые Мария заметила — по-старообрядческому обычаю, двумя перстами. Не как принято в господской церкви — тремя.

Она удивилась. Но ничего не сказала.

II

Спуск с уральских хребтов оказался опаснее, чем подъём.

Дорога шла серпантином — крутыми поворотами, между отвесных скал. Снег на дороге местами обледенел, полозья скользили. Иван крепко держал вожжи, тормозил лошадей.

На одном из крутых поворотов кибитка едва не полетела в пропасть. Правое полозье съехало с колеи, повозка накренилась. Мария вскрикнула.

Иван в последний момент сумел выправить — крикнул на лошадей, дёрнул поводья, натянул тормоз.

Кибитка остановилась. У самого края.

Мария сидела бледная, ухватившись за борта.

— Иван... как ты? Как лошади?

— Всё в порядке, ваше сиятельство. Только сердце ёкнуло. Слава Богу, обошлось.

Подъехал Александр — он ехал сзади и всё видел.

— Мария Николаевна! Вы целы?

— Цела. Ивану спасибо. Он спас.

Александр посмотрел на Ивана — оценивающе, уважительно.

— Ты молодец, парень. Не растерялся.

Иван смущённо махнул рукой.

— Что вы, ваше... как вас там... Александр. Это моё дело — везти барыню. За это меня и наняли.

Они постояли несколько минут — все трое. Пришли в себя. Потом поехали дальше — уже медленнее, осторожнее.

Но происшествие оставило след. Не физический — душевный. Мария впервые ощутила: смерть рядом. Очень близко. Один неверный поворот — и всё могло кончиться. Она погибла бы, не доехав до мужа.

И тогда весь её путь, вся её жертва, вся её любовь — были бы напрасны.

III

Вечером того же дня они остановились в маленькой уральской деревне. Не то русской, не то не совсем русской — Мария заметила, что жители здесь говорят с каким-то особым выговором, женщины носят необычные головные уборы, дома украшены резьбой с непривычными узорами.

Их разместили в доме местного старосты — крепкого мужика лет пятидесяти, с окладистой бородой, в добротном тулупе и высоких валенках.

Ужин был скромный, но обильный. Щи, каша, солёные огурцы, хлеб, домашний квас.

Хозяин был немногословен. Но гостеприимен. Не заискивал перед знатной барыней — держался с достоинством.

За ужином Александр вдруг заговорил с ним о чём-то — тихо, вполголоса. Мария не сразу поняла, о чём. Только уловила отдельные слова — «древнее благочестие», «согласие», «поповцы», «беспоповцы».

Староста слушал внимательно. Отвечал кивками. Иногда — короткими словами.

Мария поняла: это разговор старообрядцев. Разговор людей одной веры — той, что была объявлена ересью двести лет назад. Гонимой. Скрываемой. Но живой.

Александр — старообрядец.

Она сложила это с тем, что видела утром на Урале. Двоеперстное крестное знамение. Особая манера речи — иногда чуть напевная, как у людей, много читающих старые книги.

Он был не тот, за кого себя выдавал.

Или — не совсем тот.

IV

Когда после ужина хозяин ушёл спать, а Иван вышел проверить лошадей, Мария осталась с Александром за столом.

Свеча догорала. Пахло воском и деревом. За окном шёл снег.

— Александр, — сказала Мария тихо. — Расскажите мне о себе. По-настоящему. Без утаек.

Он поднял глаза. Долго смотрел на неё.

— Что вы хотите знать, ваше сиятельство?

— Всё. Кто вы. Откуда. Кем были на самом деле.

Он молчал. Потом кивнул.

— Хорошо. Раз уж мы связаны одной дорогой — вы имеете право знать. Слушайте.

V

Он начал говорить — медленно, с паузами, тщательно подбирая слова.

— Меня действительно зовут Александр. Только я не Александр Сергеевич, как я сказал вам сначала. Я — Александр Кириллович Селиванов. Мой род — из старообрядческого купечества. Мы жили в Заволжье, в раскольниковых скитах, ещё со времён патриарха Никона.

Мария слушала не перебивая.

— Мой прадед был из тех, кого гнали за старую веру. Прятался. Уходил в леса. Мой дед — уже разбогател на торговле. Открыл лавки в Твери, Нижнем, Ярославле. Записался в купеческую гильдию. Но веры — не оставил. Продолжал молиться по старым книгам, креститься двумя перстами, поститься по строгим правилам.

— А ваш отец?

— Мой отец — сделал шаг, за который многие в нашей общине его осуждали. Он перешёл в единоверие. Это компромисс — вы, наверное, знаете. Единоверцы служат по старым книгам, но подчиняются официальной церкви. Так им разрешено. Так их не гонят.

— И вы?

— Я родился уже единоверцем. Но воспитывался и в старой вере. Знал и то, и другое. С детства читал «Стоглав», «Прибавления Никоновские». Ходил и в единоверческий храм, и — тайно — на молитвы к старообрядцам-беспоповцам. Знал обе стороны.

Мария слушала заворуженно. Она никогда прежде не встречала таких людей вблизи. Для неё раскольники были — далёкая, туманная тема. Что-то из старинных времён. А тут — живой человек, из живой веры.

— Дальше?

— Я вырос. Отец хотел, чтобы я продолжал торговое дело. Но я хотел учиться. Поехал в Петербург. Поступил в университет. Учился на историко-филологическом. Мечтал стать учёным — изучать историю Руси, старинные летописи.

— И как же вы оказались в кавалергардах?

Александр усмехнулся горько.

— Не оказался, ваше сиятельство. Простите. Я вам это выдумал. Не был я в кавалергардах. Не служил в гвардии. Я был — университетский студент. Потом — вольный литератор. Писал статьи по русской истории в журналы. Немного зарабатывал. Жил скромно.

— Но вы знали Рылеева?

— Да. Это правда. Знал. Он привечал молодых литераторов. Печатал моих статей в «Полярной звезде». Я бывал у него на «русских завтраках» — так он называл свои собрания. Там я и познакомился с многими из тех, кто вышел на площадь.

VI

Мария молчала. Ждала продолжения.

— И знаете, что я вам скажу, ваше сиятельство? — продолжал Александр. — Я разделял их убеждения. Полностью. Я мечтал о России, в которой не будет крепостного права. О России, в которой каждый человек — свободен. О России, в которой не преследуют за веру. Ни старообрядцев, ни католиков, ни лютеран, ни евреев — никого. Все — равны перед законом.

— Вы могли быть с ними на площади?

— Мог. Если бы был в столице в тот день. Но накануне я уехал в Тверь — умирал отец. Я приехал. Похоронил. Занимался наследством. И — не был в Петербурге четырнадцатого декабря.

— Слава Богу.

— Может быть, ваше сиятельство. А может быть — жаль. Не знаю. До сих пор не решил. Он налил себе воды из кувшина. Выпил. Продолжил.

— Когда я узнал о восстании — я был потрясён. Когда узнал об аресте моих знакомых — начал делать всё, что мог. Собирал деньги — семьям арестованных. Носил передачи в крепость — через подкупленных надзирателей. Прятал документы, которые могли скомпрометировать других. И — главное — стал связным.

— Связным?

— Да. Между теми, кого арестовали, и теми, кто на воле. Между теми, кто уже был в Сибири, и их семьями. Между старообрядческими общинами, которые готовы были помочь — и опальными семьями декабристов. Я знал старообрядческую сеть — а она в те времена была разветвлённая, тайная, надёжная. Через неё я передавал письма, деньги, сведения.

Мария смотрела на него с новым уважением.

— Так вы — тайный посланец?

— Да, ваше сиятельство. Один из многих. Нас было немало. Обычные люди — купцы, чиновники, литераторы, разночинцы. Мы помогали. Незаметно. Без славы. Просто — потому что не могли иначе.

VII

— А что за письмо Рылеева? — спросила Мария. — Оно правда есть?

— Правда, — Александр серьёзно кивнул. — Правда есть. Только не совсем такое, как я вам сказал.

— Что значит — не совсем такое?

Александр помолчал. Достал из-за пазухи небольшой кожаный кошель. Открыл. Вынул сложенный вчетверо лист бумаги.

— Вот. Это — не одно письмо. Это — список. Список имён. Тех, кто помогал декабристам, но не был раскрыт. Тех, кто прятал документы. Носил передачи. Собирал деньги. Организовывал связь. Их имена — здесь. Около сорока человек.

Мария побледнела.

— Александр... вы сказали мне неправду?

— Сказал. Простите меня, ваше сиятельство. Не хотел вас пугать. И — не был уверен, можно ли вам доверять. Теперь — уверен.

— Но если этот список найдут...

— Погибнут все, кто в нём. Сорок семей. Сорок судеб. И — многие другие, кто с ними связан.

— Зачем же вы его везёте? Не проще было бы уничтожить?

— Уничтожить — можно. Но тогда мы потеряем связь. Понимаете, ваше сиятельство? Многие из этих людей — сейчас в Сибири. Или в других отдалённых губерниях. Или пытаются добраться до Сибири — как мы. Список нужен, чтобы они могли друг друга найти. Чтобы могли помогать друг другу. Чтобы общая сеть не распалась.

— Значит, вы везёте список — на восток? Чтобы передать кому-то?

— Да. В Иркутске есть человек. Купец из старообрядцев. Ему я передам. Он — центральное звено. Через него — распределится по остальным.

Мария сидела, прижав руку к груди.

— Александр. Я даже не знаю, что сказать. Вы взяли на себя такую опасность...

— Ваше сиятельство. Каждый из нас делает то, что может. Вы едете к мужу — это огромный подвиг. Я везу список — это моя посильная лепта. Каждый несёт свой крест.

VIII

Она смотрела на него — на этого странного человека, который оказался не тем, за кого себя выдавал. И — оказался ещё большим героем, чем можно было представить.

— Александр. А если вас арестуют? С этим списком?

— Меня повесят, ваше сиятельство. Возможно — и вас тоже. Как соучастницу.

— Меня — вряд ли. Я всё же княгиня. А вот вас — да.

— Меня — да. Но я знаю, на что иду.

— Зачем? Почему? Что вами движет?

Александр посмотрел на неё долгим взглядом.

— Вера, ваше сиятельство. Моя старая вера учит: человек создан свободным. Никто не имеет права владеть другим человеком. Никто не имеет права заставлять другого верить чужой верой. Никто не имеет права судить по чужому закону. Мы — старообрядцы — двести лет прячемся, страдаем, умираем за это. Мы знаем цену свободе. И когда я вижу — люди пытаются добиться свободы для всей России, — я не могу не помочь.

Мария молчала.

— Ваше сиятельство. Ваш муж и его товарищи — они хотели того же самого, к чему мы, старообрядцы, стремимся столетиями. Свободы. Только шире — для всех, не только для нас. И мы им помогаем. Как можем.

IX

Они долго сидели молча. Свеча уже почти догорела.

Наконец Мария заговорила.

— Александр. Я вам очень благодарна. За откровенность. За доверие.

— Простите, что не сказал раньше.

— Понимаю. Я на вашем месте тоже не сказала бы. Но теперь — знаю. И знайте вы: я вас не выдам. Никогда. Даже под угрозой.

— Спасибо, ваше сиятельство.

— И — если понадобится помощь. С прятанием списка. С передачей. С чем угодно — я к вашим услугам.

— Спасибо.

Она задумалась. Потом добавила:

— Александр. Отвезите этот список в надёжное место. Обязательно. Не рискуйте. Если что-то случится с вами — пропадут все эти люди. Вы им нужны — живой.

— Постараюсь, ваше сиятельство. Стараюсь всеми силами.

X

В эту ночь Мария долго не могла уснуть.

Она лежала в тёплой избе, слушала, как за окном воет метель. Думала о том, что узнала.

Оказывается, за пределами того мира, в котором она жила все двадцать лет — блестящего великосветского Петербурга, — существует другая Россия. Тайная. Подпольная. Мужественная.

Старообрядцы, столетиями прятавшие свою веру. Раскольники, о которых она знала только по рассказам да по книгам. Оказывается — это не тёмные фанатики, как их часто изображали. Это — люди убеждений. Люди, готовые страдать за то, во что верят.

И оказывается — они помогают декабристам. Значит, идеи её мужа и его товарищей — не одиноки. У них есть союзники. Тихие, невидимые — но многочисленные. По всей России.

Может быть, — подумала Мария, — их дело не проиграно окончательно. Может быть, зерно, которое они посеяли, ещё прорастёт. Через много лет. Через поколения. Но — прорастёт.

Она уснула — впервые за долгое время — с чувством, что она не одна. Что вокруг — не только жандармы, доносчики, чиновники. Но и другие люди. Хорошие. Смелые. Верные.

Такие, как Александр.

Такие, как Иван.

Такие, как — где-то там, в далёкой Сибири — Катя Трубецкая, которая, наверное, уже добралась до мужа.

Не одна. Не одна.

XI

Наутро они выехали дальше.

За несколько дней спустились с Урала. Оказались в Западной Сибири. Здесь снега было ещё больше, морозы ещё крепче, дороги ещё пустынные.

Но они ехали быстро. Александр знал местность — часто подсказывал Ивану, где лучше срезать путь, где надёжнее заночевать, где найти самых надёжных ямщиков.

Они уже не были попутчиками — они были союзниками. Одной командой. Одной семьёй в дороге.

В Тюмени их ждало новое испытание.

На въезде в город стояла жандармская застава. Проверяли всех проезжих. Особенно тщательно — тех, кто ехал на восток.

Иван первый заметил и остановил лошадей.

— Ваше сиятельство. Александр. Впереди — застава. Что делать?

Мария посмотрела на Александра. Он побледнел, но быстро взял себя в руки.

— Так. Слушайте меня. Список — я сейчас должен спрятать надёжно. Так, чтобы не нашли.

— Как?

Он лихорадочно думал. Потом посмотрел на кибитку Марии.

— Ваше сиятельство. У вас есть подкладка в шубе. И — у вас же есть детская игрушка, которую вы взяли на память о сыне?

— Есть. Плюшевый медвежонок.

— Дайте его сюда. Быстро.

Мария достала из сундучка небольшого плюшевого медвежонка — старую игрушку, с которой играл ещё Николушка. Александр взял. Быстро распорол ножом задний шов. Внутри — вата. Он засунул сложенный список в вату, придавил, поправил. Затем — тонкой иглой (Мария дала — она была в её несессере) — быстро и аккуратно зашил обратно. Так, что стежки почти не видны.

— Всё. Спрятал. Медвежонок — просто игрушка. Никто не тронет.

Он вернул медвежонка Марии. Она обняла его — как ребёнка. Прижала к груди.

— Иван. Едем к заставе. Не бойтесь. Держитесь спокойно.

XII

Застава.

Двое жандармов с ружьями. Офицер в чине поручика. Стол с бумагами. Проверка документов.

Мария вышла из кибитки первой. Подала подорожную.

Поручик посмотрел на документ. Потом на неё. Потом снова на документ.

— Княгиня Волконская?

— Да, поручик.

— Следуете к мужу в Сибирь?

— Да.

— У меня приказ, ваше сиятельство. Тщательно проверять всех, кто едет в этом направлении.

— Проверяйте.

Он приказал жандармам осмотреть кибитку. Один из них полез внутрь. Долго возился. Открывал сундучок. Перебирал вещи. Мария стояла спокойно, только сердце колотилось.

Жандарм наткнулся на медвежонка. Взял. Посмотрел.

— А это что?

— Это игрушка моего сына. Я оставила его в Петербурге. Взяла с собой на память. Не отбирайте, пожалуйста.

Жандарм посмотрел на медвежонка. Пощупал. Показал офицеру.

— Ваше благородие. Просто игрушка.

Поручик взглянул. Кивнул.

— Отдайте. Ваше сиятельство, извините за беспокойство.

Мария взяла медвежонка. Обняла. Слезы навернулись — настоящие слёзы, потому что она подумала о Николушке. И это было к лучшему — жандармы решили, что она плачет от сентиментальности.

— Проходите.

Пришла очередь Александра.

Он подал документы. Поручик посмотрел.

— Селиванов. Купеческий сын. Едете... куда?

— По торговым делам, ваше благородие. В Иркутск. Отец у меня там имеет дело.

— Вы — родственник княгини?

Александр помолчал. Мария вмешалась:

— Господин Селиванов помогает мне в дороге. Я не привыкла путешествовать одна. Наша семья много лет знает его семью. Отец Александра Кирилловича — уважаемый купец в Твери.

— Хорошо. Проходите.

Жандармы осмотрели сани Александра. Ничего не нашли. Ничего компрометирующего у него с собой не было — список был у Марии.

Проехали.

Когда они отъехали от заставы на несколько вёрст, Мария остановила кибитку. Вышла. Подошла к Александру.

Он тоже вышел из своих саней.

Она молча передала ему медвежонка.

— Спасибо, ваше сиятельство.

Он взял. Хотел распороть — там же, у дороги. Но она удержала его руку.

— Александр. Пусть побудет у меня. До Иркутска. Так надёжнее. Никто не заподозрит.

Он посмотрел на неё. Кивнул.

— Хорошо. Пусть так.

Она снова обняла медвежонка. Теперь это был не просто память о сыне. Это была теперь — судьба сорока человек. Носителей общего дела. Тех, кто верил в свободу России.

Она везла их. И — Николушку своего — в одном плюшевом сердце.

Дорога катилась дальше. Впереди — Тобольск. Омск. Красноярск. И — наконец — Иркутск.

Впереди — новые опасности. Новые встречи. Новые открытия.

Но теперь Мария знала — она везёт нечто большее, чем свою любовь. Она везёт часть тайной, но живой России. Той России, которая не сдаётся.

Часть 8. Иркутск. Встреча двух подруг

I

Мария Николаевна Волконская въехала в Иркутск в середине марта тысяча восемьсот двадцать седьмого года.

Она была в пути два с половиной месяца. Проехала более шести тысяч вёрст. Побывала за Уралом, в Западной Сибири, пересекла Обь и Иртыш, миновала Красноярск, поднялась на Байкальское плоскогорье.

Она устала так, как никогда прежде не уставала в своей жизни. Похудела. Обветрилась. Волосы, которые прежде укладывала лучшая петербургская парикмахерша, теперь были небрежно собраны под чепцом. Руки — потрескались от мороза. Глаза — запавшие, тёмные, но живые.

Она была уже не та Мария Волконская, которая когда-то блистала на балу в особняке Лавалей. Ей было двадцать один — а казалось, что все тридцать. Она увидела Россию. Настоящую, огромную, неведомую Россию, о существовании которой раньше только догадывалась.

И — с ней рядом были Иван и Александр. Верный ямщик и таинственный старообрядец. Два человека, которые за эти месяцы стали ей ближе многих родственников.

II

Иркутск встретил их серым, ветреным днём. Байкальский ветер продувал улицы насквозь. По серо-жёлтому небу летели рваные облака. Снег на дорогах местами уже подтаял — сибирская весна начиналась.

Город был неожиданно большой. Не столица, конечно, но — настоящий город. Каменные дома. Церкви с золотыми куполами. Гостиный двор. Купеческие лавки. Дощатые тротуары. Множество саней и возков на улицах.

И — множество людей. Русские, буряты, монголы, казаки, ссыльные всех мастей. Иркутск был воротами в Восточную Сибирь. Через него шли все — на восток и с востока. Здесь встречались все дороги.

Мария заранее знала, где остановится. Ещё в Петербурге ей дали адрес — небольшой домик на окраине города, снятый заранее через доверенного человека. Туда же после долгих мытарств переехала Екатерина Трубецкая, ожидая, пока муж не устроится на новом месте и она сможет ехать к нему.

Кибитка остановилась у крыльца.

Мария вышла. Её ноги дрожали — то ли от долгого сидения, то ли от волнения.

Дверь дома распахнулась.

На пороге стояла Екатерина Ивановна Трубецкая.

III

Они смотрели друг на друга — целую вечность. Может быть, секунд десять. Но эти секунды длились годы.

Они не виделись почти год. Целый год.

За этот год Мария потеряла отца — генерал Раевский, узнав, что дочь всё-таки поехала, слёг и вскоре скончался. Она узнала об этом уже в дороге — в Красноярске. Плакала три дня. Потом собралась и ехала дальше — не поворачивать же назад.

За этот год Екатерина потеряла младенца — она была беременна, когда выехала из Петербурга, и уже в пути потеряла ребёнка. Никому не рассказала — даже мужу. Только теперь скажет — Марии.

Обе потеряли многое. Обе прошли через ад — каждая свой.

И теперь они смотрели друг на друга, и не могли говорить.
Наконец Екатерина сделала шаг вперёд. Раскрыла объятия.
— Машенька...

Мария бросилась к ней. Они обнялись. И — обе заплакали. Не притворно, не картинно. Настоящими, тихими, женскими слезами. Слезами боли. Слезами радости. Слезами облегчения.

Иван и Александр стояли поодаль. Не мешали. Просто смотрели.

Иван, ямщик из-под Твери, — деликатно отвернулся. Ему было неловко видеть этот момент — слишком личный, слишком глубокий.

Александр — не отвернулся. Он смотрел на двух женщин и думал: «Вот они. Вот они, настоящие. Ради таких — стоит жить. Ради таких — стоит умереть».

IV

Первый вечер они провели вдвоём.

Александр деликатно ушёл — сказал, что должен разыскать своего иркутского связного, того самого купца, которому нужно передать список. Обещал прийти завтра.

Иван устроился в людской. Занялся лошадьми, ужином, обычными своими делами.

А Мария и Екатерина остались.

Они сидели у печки. Пили чай из большого самовара. Разговаривали — тихо, вполголоса, как в детстве, когда делятся самыми важными секретами.

— Катя. Как ты? Правда — как?

Екатерина ответила не сразу.

— Машенька. Я узнала, что такое отчаяние. По-настоящему. Здесь, в Иркутске. Когда губернатор Цейдлер полгода меня держал. Каждый день приносил новую бумагу. Каждый день пугал новыми условиями. Ждал, что я сломаюсь.

— И ты не сломалась.

— Не сломалась. Хотя было близко. Один раз, зимой, я сидела у окна и смотрела на снег. И думала — а не проще ли вернуться? Я представила: возвращаюсь в Петербург. Мать плачет от радости. Отец обнимает. Родные, знакомые. Тёплая квартира. Балы. Театры. Всё как раньше.

— И?

— И — поняла. Не смогу. Никогда не смогу. Даже если вернусь — я больше не смогу жить той жизнью. Ни балов не хочу, ни театров, ни знакомых. Мне нужен только он. Только Сергей. Всё остальное — пусто.

Мария кивнула. Она понимала — потому что чувствовала то же самое.

— А как ты попала сюда? Как выехала из Иркутска, если тебя не пускали?

Екатерина улыбнулась — впервые за вечер.

— Цейдлер меня отпустил. Сам. Против всех инструкций. Не выдержал. Сказал: «Езжайте. Молитесь за меня, старого чиновника». И написал разрешение.

— Господи. Значит, есть ещё в этом мире люди с совестью.

— Есть. Даже среди тех, кто должен быть нашим врагом.

V

— Расскажи о Сергее. О своём. Как он там?

Лицо Екатерины стало сразу серьёзным. Даже — счастливым.

— Он там. В Благодатском руднике. Мы приехали в декабре. Я живу в маленьком домике — от острога недалеко. Меня пускают к нему два раза в неделю. По часу. Через решётку — сначала. Потом смягчили — теперь я могу входить в камеру, при часовом. И на полчаса — оставляют одних.

— Полчаса...

— Да. Тридцать минут в неделю — четыре раза. Это — вся наша совместная жизнь. Больше не позволено.

— Как же вы...

— Так и живём. Я читаю ему письма — от матери, от друзей. Приношу еду — то, что могу купить здесь, приготовить. Мы разговариваем. Он рассказывает мне о своих товарищах — их там пятеро сейчас, других декабристов. Держатся вместе. Помогают друг другу. Читают книги, которые я приношу. Учат языки. Один из них, Волконский, — Мария вздрогнула — говорит, что скоро подъедет его жена. Ждёт с нетерпением. Все ждут — говорят, что будет два праздника.

— Значит, они знают, что я еду?

— Знают. Я передавала.

Мария опустила глаза. Слёзы капали на её колени.

— Катя. А как он выглядит? Мой Сергей?

Екатерина помолчала.

— Машенька. Не буду тебя пугать. Тяжело им. Похудели все. Обриты — по каторжному порядку. В кандалах. Одеты в серые халаты арестантские. Работают в руднике — не тяжело физически, но душно, темно, сыро. У Сергея твоего — по вечерам кашель. Легкие подорваны от подземной пыли.

— Господи...

— Но душа его — жива. И горит. Он не сломлен. Никто из них не сломлен. Наоборот — знаешь что? Там, в остроге, — они свободнее, чем были в Петербурге. Здесь никто не следит, что они говорят. Здесь можно говорить открыто — о свободе, о России, о будущем. Они говорят. Спорят. Строят планы. Как будто и не в кандалах.

Мария подняла голову.

— Правда?

— Правда, Машенька. Ты сама увидишь. Скоро.

VI

Ночью Мария не могла уснуть. Ходила по комнате. Смотрела в окно на тёмный сибирский город.

Уже так близко. Так близко. Ещё немного — и она увидит его. После года разлуки. После всего, через что прошла.

Она достала плюшевого медвежонка — того самого, с зашитым в него списком. Прижала к груди. Как ребёнка. Как сына, которого оставила.

«Николушка. Мама уже почти доехала. Мама скоро увидит папу. И расскажет ему о тебе. И передаст твой поцелуй. Спи спокойно, сыночек. Мама тебя любит. Мама тебя не забыла».

Она наконец легла и заснула — тяжёлым, тревожным сном. Ей снилось детство. Одесса. Их дом у моря. Отец в военном мундире, стоящий на балконе и смеющийся. Она — маленькая девочка — бежит к нему по мраморной лестнице.

Проснулась она с мокрым лицом.

VII

Утром пришёл Александр.

Он был возбуждён, и встревожен. Быстро вошёл в комнату, где Мария и Екатерина завтракали, поздоровался, извинился.

— Мария Николаевна. У меня новости. Плохие и хорошие.

Мария встала.

— Говорите.

— Плохие: в Иркутск на днях приехал новый чиновник из Петербурга. Специальный ревизор. Приказано ужесточить контроль над теми, кто едет к декабристам. Возможно, новые проверки. Возможно, новые условия. Ужесточение.

— А хорошие?

— Хорошие: я нашёл своего человека. Купца. Ему я передал список. Он уже спрятал в надёжное место. Медвежонок ваш — теперь чист. Никаких опасных вещей.

Мария вздохнула с облегчением.

— Слава Богу.

— Но, ваше сиятельство. Есть ещё одна новость. Меня, возможно, начинают искать.

— Кто?

— Кто-то. Не знаю точно. Но мой человек здесь предупредил: приезжал какой-то чиновник, спрашивал о разных людях, интересовался, не проезжал ли через Иркутск некий Селиванов. Пока меня не нашли — но могут найти.

Екатерина встревожилась.

— Александр Кириллович. Что вы будете делать?

Он посмотрел на них обеих. Спокойно, решительно.

— Мне нужно уехать. Быстро. Не в Иркутск больше — а дальше, за Байкал, в глушь. Там переждать. Пока меня не забудут.

— Один?

— Один. Так безопаснее. Для меня. И — для всех, с кем я связан.

Мария почувствовала укол в сердце. За эти два месяца дороги она привыкла к нему. Он был не просто попутчиком — он был другом. Соратником. Человеком, которому она доверяла как немногим.

И вот — надо расставаться.

— Александр. Когда вы уезжаете?

— Завтра. Ночью. Так, чтобы никто не заметил.

VIII

Весь день Мария была задумчивая. Александр помогал по хозяйству — тихо, ненавязчиво. Иван возился с лошадьми — Мария велела ему готовиться к последней части пути, до Нерчинска, оставалось ещё около семисот вёрст.

Вечером Мария и Екатерина снова сидели вдвоём.

— Катя. Мне грустно, что Александр уезжает.

— Он замечательный человек. И то, что он делает — это огромный подвиг. Незаметный, невоспетый, но огромный.

— Да. Я не знала, что такие люди есть. Что за пределами нашего петербургского света — так много героев. Тихих. Незаметных. Но настоящих.

— Россия велика, Машенька. Это только мы, в столице, привыкли думать, что весь мир вокруг нас. А на самом деле — настоящая жизнь идёт вдалеке. В деревнях. В скитах. В сибирских глухих острогах. В тайных общинах старообрядцев. В крестьянских семьях, где не забывают старину. Там — настоящая Россия. Не наша, столичная, — а глубинная, вечная.

— Ты стала философом, Катя.

— Здесь поневоле станешь. Сибирь заставляет думать.

IX

Ночью — как и было условлено — Александр пришёл проститься.

Он вошёл тихо. Мария и Екатерина ждали его. Иван тоже был здесь — Мария позвала.

— Ну что, друзья. Прощаться так прощаться.

Александр обнял Ивана.

— Иван. Спасибо тебе. Ты — крепкий парень. Порядочный. Мне повезло с попутчиком.

— И вам, Александр Кириллович. Мне тоже повезло.

Александр повернулся к Екатерине.

— Ваше сиятельство. Мы виделись мало. Но я знаю о вас всё, что рассказала Мария Николаевна. Вы — героиня. Настоящая. Дай Бог вам счастья с вашим Сергеем Петровичем.

— Спасибо, Александр Кириллович. И вам — Господь в помощь.

И — Мария.

Он подошёл к ней. Поклонился. По-старинному, глубоко.

— Ваше сиятельство. Мария Николаевна. Я не смею думать, что мы ещё когда-нибудь увидимся. Но — если Господь даст — буду счастлив.

Мария смотрела на него. У неё в глазах стояли слёзы.

— Александр. Я никогда вас не забуду. И — если что-то будет в моих силах — я всегда помогу. Только знайте это. И — если кому из ваших нужна будет помощь в Сибири — они всегда могут прийти ко мне. Я найду способ.

— Спасибо, ваше сиятельство. Я передам своим.

Он поцеловал её руку — как когда-то, у полицейского в Казани. По-рыцарски. С полным уважением.

Она — вопреки этикету, вопреки всему — наклонилась и поцеловала его в лоб. Как брата.

— Идите с Богом, Александр.

— Идите с Богом, Мария Николаевна.

И — он ушёл.

Она стояла у окна и смотрела, как его сани исчезают в темноте сибирского города. Как тени сливаются с ночью. Как звенит вдали колокольчик — всё тише, тише — и наконец пропадает совсем.

Ушёл. Может быть — навсегда.

Но — не совсем. Что-то осталось. В сердце Марии, в её памяти, в её жизни. Уже навсегда.

Х

Наутро — новость, которая опрокинула всё.

К дому Марии и Екатерины подъехала карета. Из неё вышел офицер — молодой, надменный, с бумагой в руке.

Он постучал.

Открыл Иван.

— Княгиня Волконская здесь проживает?

— Здесь.

— Пропустите. У меня к ней депеша от нового ревизора его императорского величества.

Иван его пропустил. Пошёл предупредить Марию.

Мария и Екатерина вышли в переднюю.

Офицер поклонился — сухо, по форме.

— Ваши сиятельства. Мне поручено вручить вам обоим новое предписание. Прошу ознакомиться.

Он подал две бумаги — одну Марии, другую Екатерине.

Они читали.

Это было то же самое, что читала Екатерина полгода назад у Цейдлера. Но — ещё жёстче. Ещё унижительнее.

Отказ от дворянства — без права восстановления. Отказ от всякого имущества. Отказ от всех прав.

Особый пункт — новый. О том, что все дети, рождённые в Сибири, будут не только считаться государственными крестьянами — но и обязаны отработать за родителей определённые повинности. То есть — будут по сути закрепощены.

И ещё один — самый страшный. Условие о том, что жена декабриста, вступив в брак с ним по русскому обряду, теперь должна признать, что её брак — как бы не совсем законный. Что она вступала в него, будучи введена в заблуждение относительно нравственных качеств мужа. И что она может в любой момент подать прошение о расторжении брака.

Мария побледнела.

— Это оскорбление. Оскорбление веры. Оскорбление таинства.

Екатерина сжала губы.

— Это издевательство.

Офицер смотрел на них равнодушно.

— Ваши сиятельства. Это высочайшее повеление. Подпишите — и вы получите разрешение следовать далее. Не подпишете — задерживаетесь в Иркутске до особого распоряжения.

ХІ

Они переглянулись. Обе поняли — это последнее испытание.

Того самого, о котором говорил Александр вчера. Новый ревизор. Ужесточение. Приехал специально — чтобы сломить их. В последний момент. Когда они уже почти дошли.

Мария вздохнула. Взяла перо. Обмакнула. Спросила офицера:

— Скажите. Если я подпишу — это будет означать, что я признаю Сергея Григорьевича своим нравственно недостойным супругом?

— Именно так, ваше сиятельство. Формально.

— А если не подпишу?

— Не поедете к нему.

Мария посмотрела на Екатерину. Екатерина — на Марию. Они обе, взглядом, поняли друг друга.

— Хорошо, — сказала Мария. — Я подпишу.

Она наклонилась над бумагой. Подписала.

— Но пусть Бог рассудит нас с теми, кто это придумал. Пусть Он ответит им — почему они, называя себя христианами, требуют от жены отречься от мужа, за которого она молилась перед святым алтарём.

Екатерина тоже подписала.

Офицер собрал бумаги. Поклонился.

— Разрешение на дальнейший путь получите завтра в канцелярии губернатора. Всего доброго, ваши сиятельства.

Он вышел. Дверь закрылась.

Две женщины стояли посреди комнаты. Обоих трясло — не от холода, а от гнева. От унижения. От боли.

Наконец Мария сказала:

— Катя. Я никогда, никогда не забуду этого дня. И не прощу этого. Ни им. Ни этому императору. Никому.

— Не надо, Машенька, — тихо ответила Екатерина. — Не надо ненавидеть. Ненависть — сожжёт нас изнутри. Пойми: они боятся. Боятся нас. Боятся женщин, которые сильнее их. Именно поэтому — так унижают. Слабый унижает — от страха.

— Ты как всегда мудрее меня.

— Я старше. И я всё это уже пережила — там, у Цейдлера. Только Цейдлер оказался человеком. А этот ревизор — не человек. Функция.

XII

Через день они выехали из Иркутска.

Уже вместе. Обе — верхом теперь, в двух отдельных возках. Иван вёл Марию. Ямщик Екатерины — её.

Впереди — семьсот вёрст. Через Байкал. Через Забайкалье. До Нерчинских рудников.

Они выехали ранним утром. Солнце ещё не взошло. Морозный воздух обжигал лицо.

Мария в последний раз оглянулась на Иркутск. Город, где она провела три дня, показавшихся ей неделями. Город, где встретилась с Катей. Где простилась с Александром. Где подписала унижительную бумагу.

Город — как перевалочный пункт. Между двумя жизнями. Между прошлой — петербургской, беззаботной, — и будущей — сибирской, каторжной, но с мужем рядом.

Мария смотрела вперёд. Туда, где на восходе разгоралась заря.

— Иван. Едем.

— С Богом, ваше сиятельство.

Кибитки покатались. Полозья заскрипели. Колокольчики зазвенели.

Дорога — последняя часть дороги — началась.

Впереди была ещё одна встреча. Самая важная. Самая долгожданная. Та, ради которой всё это было. Впереди — был Сергей.

Часть 9. Последний путь

I

От Иркутска до Нерчинских рудников — семьсот вёрст.

По петербургским понятиям — расстояние огромное. От Петербурга до Москвы — семьсот вёрст. Но здесь, за Байкалом, это была уже мелочь. По сравнению с тем, что они уже проехали, — почти рядом.

Однако именно этот последний отрезок пути оказался самым трудным.

Во-первых — Байкал.

Огромное озеро, длиной больше шестисот вёрст, окружённое горами. Его нужно было пересечь. Летом — на пароме. Зимой — по льду. Весной — никак: лёд ненадёжен, паромов нет.

А была ранняя весна. Март заканчивался. Байкальский лёд ещё держал — но уже был опасен. В любой момент — трещины, промоины, льдины могли треснуть под тяжестью возка.

Иван предупредил барыню.

— Ваше сиятельство. Через Байкал — рискованно. Может, подождать неделю-другую? Пока лёд совсем сойдёт, откроют переправы?

Мария посмотрела на Екатерину.

— Что скажешь, Катя?

— Скажу — не ждать. Каждый день без Сергея — как год. Едем.

— Согласна. Иван — едем.

Иван вздохнул.

— Хорошо, ваше сиятельство. Только — держитесь. И — молитесь.

II

Байкал они пересекали ранним утром, ещё в темноте.

Иван нанял в приозёрном селе Листвянка местного проводника — старого бурята по имени Дондок. Тот знал озеро как свои ладони. Знал, где лёд крепче, где идут подводные течения, где могут быть промоины.

Дондок ехал впереди — на своих санях, лёгких, почти пустых. Иван и другой ямщик — следом, с возками. Мария и Екатерина сидели, вцепившись в поручни.

Лёд под полозьями трещал. Иногда — звенел, как хрусталь. Иногда — глухо ухал, будто где-то внизу, в чёрной бездне, что-то шевелилось.

Мария смотрела перед собой. Не в сторону — потому что вдоль обозрелось только серо-белое пространство, до самого горизонта. И это пространство внушало ужас — от осознания, что под тобой сотни саженей ледяной воды. И если лёд треснет — не выберешься.

Дондок вёл их сложным маршрутом. Не по прямой — а зигзагом, обходя опасные места. Он знал их каким-то шестым чувством. Иногда останавливался. Стучал по льду длинной палкой. Слушал звук. Потом — направо. Или — налево. Или — назад, объезжая полынью.

Через шесть часов они выехали на восточный берег.

Дондок обернулся. Улыбнулся редкозубой улыбкой.

— Всё, барыня. Проехали. Байкал вас пустил. Хороший знак.

Мария почти без сил вышла из возка. Ноги её дрожали. Ветер с озера продувал насквозь. Но — она стояла на твёрдой земле. И — Байкал был позади.

Она достала мешочек с монетами. Заплатила Дондоку — щедро. Он взял. Поклонился. И — уехал обратно, к своему берегу.

III

Дальше начиналась Забайкальская тайга.

Здесь — уже была настоящая глушь. Дорога — узкая, малоезженная. Деревни — редкие, маленькие, бедные. Люди — русские, буряты, тунгусы. Многие — потомки старообрядцев, бежавших в Сибирь ещё при царе Алексее.

Здесь Мария и Екатерина впервые почувствовали — они не в Европе. И даже не в той России, к которой привыкли. Это была совсем другая страна. С другим воздухом. С другими лицами. С другим временем — здесь как будто ещё жил семнадцатый век.

Ехали они теперь медленнее. Приходилось часто останавливаться — то лошадь захромает, то дорога станет непроходимой, то надо переждать метель.

На одной из ночёвок — в маленькой избе у охотника-тунгуса — произошло то, что чуть не стоило им всего.

IV

Была середина ночи. Все спали. Мария — на широкой лавке у печи. Екатерина — рядом. Ямщики — в сенях. Хозяин избы, старый тунгус — в своём углу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.